163
T10
83

Т10 83
Т10 83
Библиотека Московскаго Нумизматическаго Общества № 394

ТРУДЫ

ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ.

Вып. III.

1143/1

ОРЕНБУРГЪ
Типо-Литографія Губернскаго Правленія
1897.

Печатано по постановленію Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи.

68

БИБЛИОТЕКА Государ... ...зея
№ 21211
Т10/83
11431

КНЯЗЬ Г. С. ВОЛКОНСКІЙ, КАКЪ ИНИЦІАТОРЪ ПАМЯТНИКА НЕПЛЮЕВУ—НЕПЛЮЕВСКАГО УЧИЛИЩА, НЫНѢ НЕПЛЮЕВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Отъ автора.

2 января 1900 года исполнится 75 лѣтъ со дня открытія въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища—нынѣ Неплюевскаго корпуса. Въ виду этого, мы считали своевременнымъ, пользуясь, главнымъ образомъ, документами архива бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторскаго управленія, составить очеркъ о дѣятельности бывшаго оренбургскаго военнаго губернатора князя Г. С. Волконскаго, по учрежденію въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища и тѣмъ восполнить краткія свѣдѣнія о первоначальной исторіи этого учебнаго заведенія.

Предлагаемый очеркъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ данныхъ по исторіи корпуса, хранящихся въ упомянутомъ архивѣ, и для дальнѣйшихъ изслѣдованій по исторіи Неплюевскаго корпуса, имѣется въ этомъ архивѣ еще много цѣннаго историческаго матеріала, ожидающаго разработки будущаго историка этого корпуса.

I.

Народное образованіе въ оренбургскомъ краѣ въ началѣ управленія князя Волконскаго.

Князь Григорій Семеновичъ Волконскій принялъ управленіе оренбургскимъ краемъ въ 1803 году, послѣ генералъ-маіора Николая Николаевича Бахметева.

Какъ замѣчательно образованный человѣкъ того времени, Волконскій глубоко скорбѣлъ о томъ умственномъ невѣжествѣ, въ какое было погружено народонаселеніе ввѣреннаго ему обширнаго края.

Для борьбы съ этимъ зломъ князь Волконскій располагалъ весьма незначительнымъ числомъ училищъ, открытыхъ еще до него въ оренбургскомъ краѣ, а именно:

1) въ г. Оренбургѣ существовало трехклассное главное народное училище, открытое 1 апрѣля 1789 г. въ г. Уфѣ, а потомъ переведенное въ 1797 г. въ г. Оренбургъ, послѣ того какъ по указу 12 декабря 1796 г. г. Уфа сталъ уѣзднымъ, а г. Оренбургъ—губернскимъ городомъ. Здѣсь это главное народное училище было открыто 23 іюля 1797 г. [1]).

2) въ г. Уфѣ было малое народное училище, открытое 1 іюля 1797 г., по переведеніи изъ города Уфы въ г. Оренбургъ, помянутаго главнаго училища [2]);

---

[1]) См. «Вѣдомость о состояніи народныхъ училищъ въ Оренбургской губ., находящихся за 1804 г. на 14 листахъ» въ архивѣ упразд. оренб. гон р.-губ. управленія. См. также «историческую записку: столѣтіе оренбургскаго городского 3-х классн. училища 1789—1889 г. Состав. учитель-инспекторъ И. С. Хохловъ. Оренб. 1889 г. стр. 10—14

[2]) См. тамъ же.

3) въ г. Мензелинскѣ—малое народное, открытое 21 апрѣля 1789 г. [1]) и

4) въ г. Бузулукѣ—малое народное, открытое 15 мая 1794 года [2]).

Къ 19 марта 1805 г. по отчету директора народныхъ училищъ Оренбургской губерніи капитана Валдгрина [3]), во всѣхъ 4 училищахъ насчитывалось 125 челов. (было нѣсколько и дѣвочекъ учениць), число конечно, ничтожное для обширнаго края, если принять во вниманіе ту борьбу съ просвѣщеніемъ, которую велъ царившій въ краѣ расколъ.

Не даромъ 18 сентября 1808 г. [4]) князь Волконскій, отвѣчая министру народнаго просвѣщенія графу Петру Васильевичу Завадовскому, на предложеніе его открыть училище въ г. Уральскѣ, писалъ, что въ настоящее время объ этомъ и думать нельзя, такъ какъ это нововведеніе можетъ вызвать безпорядки въ войскѣ и что наконецъ, присовокуплялъ онъ, «уральцы просвѣщенныхъ людей называютъ еретиками, антихристами, богоотступниками и не хотятъ имѣть никакого общенія, поставляя то преступленіемъ противу вѣры и ихъ обычаевъ».

Если таково было отношеніе къ просвѣщенію во времена Волконскаго, то не мудрено, что гораздо ранѣе, а именно при И. И. Неплюевѣ, народное обра-

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) См. дѣло о построеніи въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго. Начато 17 маія 1806 г. Рѣшено 10 февр. 1817 г. на 709 листахъ. Отдѣлъ гражданскій архива управ. оренб. генер.-губерн. управленія.

зованіе было еще въ худшихъ условіяхъ. Такъ при Неплюевѣ, въ уральскомъ войскѣ изъ 218 казачьихъ дѣтей грамотныхъ было только 26, а изъ взрослыхъ не болѣе пяти человѣкъ: войсковой атаманъ, писарь, да человѣка три старшинъ, но и тѣ по выраженію Неплюева, «знаютъ не довольно» [1]).

Не лучше было и среди другихъ казаковъ оренбургскаго края. Такъ напр. въ 1754 г., изъ 1380 исетскихъ казаковъ, вошедшихъ въ 1748 г въ составъ оренбургскаго войска, не было ни одного грамотнаго [2]).

Что касается образованія инородцевъ, то оно представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Въ г. Самарѣ существовала еще съ 1741 года татарско-калмыцкая школа, заведенная начальникомъ оренбургской коммиссіи княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ Урусовымъ [3]); въ г. Ставрополѣ—калмыцкая, открытая заботами Неплюева [4]) и въ г. Оренбургѣ—татарская, открытая также при Неплюевѣ.

По указу Императрицы Елизаветы Петровны, въ 1744 году стали приниматься въ эти школы русскіе люди—сироты изъ солдатскихъ дѣтей, а впослѣдствіи и казаковъ, которые выходили, по окончаніи курса, съ канцелярскими чинами въ толмачи, пере-

---

[1]) См. монографію В. Н. Витевскаго Ив. Ив. Неплюевъ и оренбургскій край до 1758 г. Вып. II. Казань 1890 г. стр. 311.

[2]) См. Историческую записку объ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, состав. совѣтникъ войскового хозяйственнаго правленія полковникъ Петръ Ивановъ. Авдѣевъ. 1873 г. (неизданная рукопись).

[3]) См. ту же монографію г. Витевскаго. Вып. I, стр. 176.

[4]) См. ту же монографію г. Витевскаго. Вып. III, стр. 552—553. Казань. 1891 г.

водчики, акцизные и таможенные чиновники, «копiисты, а ежели явятся способные то могутъ черезъ соборныхъ священниковъ, и въ надежду священства обучаемы быть», —какъ о томъ говорилось въ указѣ Императрицы [1])

Такихъ учениковъ, судя по донесенію ассесора оренбургской пограничной коммиссiи Кукуранова, къ 9 декабря 1808 г., въ г. Оренбургѣ, въ татарской школѣ, состоявшей въ вѣдѣнiи пограничной коммиссiи, насчитывалось 19 человѣкъ. [2])

Есть также указанiя, что Ив. Ив. Неплюевъ собиралъ въ 1744, 1745, 1747 гг. добровольныя пожертвованiя еще на какое-то училище, и очень вѣроятно на такое, гдѣ бы могли воспитываться дѣти азiатцевъ и казаковъ. [3])

Кромѣ татарско-калмыцкихъ школъ была еще при мечети у Мѣноваго двора школа для киргизскихъ дѣтей, помѣщавшихся въ двухъ домахъ.

Она была открыта по именному рескрипту Екатерины II, къ бывшему оренбургскому военному губернатору барону Осипу Андреевичу Игельстрому отъ 28 февраля 1789 г. [4])

Назначенiе этой школы—было обученiе киргизъ грамотѣ и началамъ магометанской религiи Число учениковъ предполагалось по штату 64, но въ дѣйстви-

---

[1]) См. то же дѣло за 1806—1817 г. о построенiи въ Оренбургѣ училища подъ названiемъ Неплюевскаго, на 719 листахъ и ту же монографiю г. Витевскаго. Вып. IV. стр. 833.

[2]) Тамъ же.

[3]) См. выпускъ I трудовъ оренбургской ученой архивной коммиссiи стр. XXVII. Оренбургъ. 1889 г.

[4]) См. въ томъ же архивѣ тоже дѣло о построенiи Неплюевскаго училища за 1806—1817 г.

тельности было гораздо менѣе: такъ, въ 1808 году, ихъ насчитывалось едва 12 человѣкъ.

На зиму, по ветхости зданій, ученики переводились въ Сеитовскую или Каргалинскую слободу, отстоящую отъ Оренбурга въ 18 верст., при впаденіи р. Каргалы въ р. Сакмару.

Слободу эту, какъ извѣстно въ 1755 году заселили казанскіе татары, во главѣ съ Сеитомъ Хаялиномъ.

Еще въ 1750 г. казанскимъ татарамъ было впервые разрѣшено поселиться въ г. Оренбургѣ въ числѣ 200 семействъ. Часть ихъ и перешла въ Каргалинскую слободу въ 1755 году. [1])

На содержаніе школы при мечети у Мѣнового двора и мечетныхъ служителей: имама, муедзина, каимана (пономарь) и муддариса (учитель магометанской религіи), отпускалось изъ Уфимской казенной палаты 2007 р. [2]) (изъ нихъ 1125 собственно на содержаніе учениковъ), а за годъ передъ тѣмъ, 27 іюля 1788 года былъ изданъ Екатериною II указъ о постройкѣ при мечетяхъ, сооруженныхъ на границахъ Уфимскаго намѣстничества, киргизскихъ школъ, для преподаванія магометанскаго закона и грамоты. [3])

Но таковыя мѣропріятія для образованія киргизъ, очевидно, были слѣдствіемъ недостаточнаго знакомства

---

[1]) См. очеркъ Ив. Ив. Неплюевъ—устроитель Оренбургскаго края. Состав . Витевскій, стр. 179. Казань. 1891 г.

[2]) См. тоже дѣло о построеніи въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища за 1806—1817 г.

[3]) См. тоже дѣло о построеніи въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища за 1806—1817 г.

съ дѣйствительными нуждами киргизскаго народа, а потому, впослѣдствіи, постройка мечетей на казенный счетъ была запрещена, да и самыя школы при мечетяхъ для киргизъ существовали недолго, какъ напр. школа при мечети на Мѣновомъ дворѣ въ Оренбургѣ. [4])

Указавъ на тѣ средства, которыми располагалъ Волконскій для просвѣщенія ввѣреннаго ему края, необходимо выяснить теперь тѣ причины, которыя привели князя Волконскаго къ убѣжденію о необходимости учредить въ г. Оренбургѣ училище для казаковъ и азіатцевъ подъ названіемъ «*Неплюева*».

II.

Причины къ учрежденію въ гор. Оренбургѣ Неплюевскаго училища. Рескриптъ Александра I о военныхъ училищахъ для дворянъ. Пожертвованія дворянъ Оренб. губ. на военное училище въ Оренбургѣ и причны, измѣнившія первоначальную цѣль пожертвованій.

Поголовное невѣжество, царившее въ Оренбургскомъ краѣ и недостаточность, какъ мы уже видѣли, средствъ для борьбы съ нимъ, подали князю Волкон-

---

[4]) По Высочайше утвержденному въ 1817 году положенію комитета министровъ, 1125 руб., ассигновавшіеся на содержаніе 64 учениковъ при киргизской школѣ, присоединены къ капиталу Неплюевскаго училища, а 182 р. на мечетн. служителей, и 700 р на содержаніе школьныхъ зданій опредѣлены въ оренбургскую погранічн. коммиссію на содержаніе мечетныхъ служителей зауральской и оренбургской мечетей. Съ 1840 г., вмѣсто 882 р. отпускалось на нихъ всего 386 р. 5 к. ассигнаціям или 110 р. 31 к сер. Отпускъ этихъ денегъ сохранялся и въ 1852 году (См. архивъ у раздѣленнаго управленія оренб. ген.-губ. «Дѣло, объ ассигнованіи по Высочайше утвержденному росписанію на 1852 г. на содержаніе киргизской школы въ Оренбургѣ 110 р. 31 к. Начато 15 февр 1852 г. Рѣшено 20 февр. 1852 г., на 6 листахъ.

скому первую мысль объ учрежденіи въ Оренбургѣ новаго разсадника просвѣщенія, который могъ бы болѣе широко удовлетворять потребностямъ просвѣщенія въ обширномъ Оренбургскомъ краѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изучая дѣятельность своихъ предмѣстниковъ по управленію краемъ, князь Волконскій не могъ не остановить своего пытливаго ума на трудахъ и заботахъ И. И. Неплюева по устройству Оренбургскаго края. Не одинъ, впрочемъ, князь Волконскій, но и каждый изъ преемниковъ Неплюева, съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія преклонялся предъ высокими подвигами этого государственнаго человѣка — ученика Великаго Петра:

«Мною еще не выполнено того, говорилъ графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ 2 [1]), о чемъ когда то помышлялъ Неплюевъ. Занимая мѣсто Неплюева и читая его мнѣнія, не могу не поддаться обаянію Неплюева и желалъ бы исполнить его волю».

Если таковы были отношенія къ Неплюеву болѣе отдаленныхъ его преемниковъ, то что сказать о Волконскомъ, во времена котораго, все еще такъ живо напоминало о дѣяніяхъ Неплюева!

Вспоминая и цѣня заслуги Неплюева, проникаясь его просвѣщенной и многополезной дѣятельностію, князь Волконскій рѣшился не только учредить новое учебное заведеніе, приспособленное къ потребностямъ края, но вмѣстѣ съ тѣмъ и создать изъ него достой-

---

[1]) См. монографію В. Н. Витевскаго, «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758 г.» Выпускъ II (эпиграфъ).

ный памятникъ Неплюеву, запечатлѣвъ и самое имя его—наименованіемъ этого учебнаго заведенія «*училищемъ Неплюева*».

Помимо указанныхъ выше причинъ, къ учрежденію названнаго училища въ г. Оренбургѣ, побуждало князя Волконскаго еще одно важное обстоятельство.

Въ началѣ царствованія Императора Александра I, въ эпоху его реформъ о народномъ образованіи, предмѣстникомъ князя Волконскаго, военнымъ губернаторомъ *Бахметьевымъ*, былъ полученъ имянной Высочайшій рескриптъ, отъ 15 августа 1801 г., въ которомъ было выражено желаніе Государя имѣть въ г. Оренбургѣ,—какъ и въ другихъ указанныхъ имъ 17 губерніяхъ,—военныя училища для дѣтей мѣстныхъ дворянъ. «Предметомъ его (т. е. военнаго училища)—говорилось въ рескриптѣ—«будетъ, образуя воспитанниковъ въ первыхъ началахъ наукъ, доставлять на собственномъ его отчетѣ и попеченіи по извѣстному ихъ количеству, ежегодно въ здѣшніе кадетскіе (столичные) корпуса и ближайшіе университеты для дальнѣйшаго и окончательнаго пріуготовленія однихъ къ военной, а другихъ къ гражданской службѣ» [1]).

Какъ видно далѣе изъ рескрипта, для ближайшаго разсмотрѣнія вопроса объ учрежденіи военныхъ училищъ въ упомянутыхъ губерніяхъ, былъ командированъ генералъ-маіоръ *Бегичевъ*, а на постепенное построеніе училищъ и ежегодное содержаніе ихъ, пред-

---

[1]) См. Выпускъ I трудовъ оренбургской ученой архивной коммиссіи. Оренбургъ 1889 г. стр. XXVII.

назначалось къ отпуску изъ казны 500 тысячъ руб.

Дворянство Оренбургской губ. приглашалось Государемъ къ пожертвованію на учрежденіе военнаго училища въ г. Оренбургѣ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы «добрая воля и свободное движеніе чести было единымъ побужденіемъ его дѣйствія, чтобы удаленъ былъ отъ него самый видъ понудительныхъ внушеній. «Я,—говорилъ Государь въ своемъ рескриптѣ,—«отвращаюсь жертвъ, приносимыхъ съ сожалѣніемъ, или по нуждѣ и малѣйшее отягощеніе государства, вѣситъ въ понятіяхъ моихъ болѣе, нежели всѣ счастливыя предположенія».

На предложеніе Государя Оренбургское дворянство единодушно откликнулось и подписка на военное училище достигла 10142 р. 37 к.

Между тѣмъ, въ 1805 году, правительство, во избѣжаніе большихъ расходовъ потребныхъ на учрежденіе военныхъ училищъ въ 17 губерніяхъ, рѣшило учредить таковыя безъ измѣненія только въ 7 губерніяхъ; въ остальныхъ же 10 распредѣленіе училищъ измѣнялось, и, между прочимъ, было предположено: губерніи Оренбургскую, Вятскую, Пермскую и Симбирскую причислить къ Казанскому военному училищу, въ которомъ было положено содержать роту изъ 200 воспитанниковъ, о чемъ предводителю оренбургскаго губернскаго дворянства и было сообщено отъ Оренбургскаго Губернскаго Правленія [2]).

---

[2]) См. тоже дѣло о построеніи въ ренбургѣ Неплюевскаго училища за 1806—1817 гг.

Указанныя измѣненія въ первоначальномъ проектѣ 1801 г. были разработаны въ совѣтѣ о военныхъ училищахъ и докладъ совѣта былъ Высочайше утвержденъ 3 іюля 1805 г., о чемъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Кочубей и сообщилъ князю Волконскому отношеніемъ отъ 31 августа 1805 г. за № 3889 [3]). Во избѣжаніе заявленій со стороны дворянства тѣхъ губерній, которыя причислялись къ учреждаемымъ военнымъ училищамъ другихъ губерній о томъ, что первоначальное предложеніе правительства было сдѣлано дворянамъ въ иномъ видѣ, нежели изложено въ планѣ о военныхъ училищахъ 3 іюля 1805 г., правительство рѣшило предложить дворянству: не пожелаетъ ли оно утвердить свои распоряженія о подпискѣ на военныя училища, и если пожелаетъ, то приступить къ дѣйствительному сбору денегъ Когда въ 1805 г. дворяне Оренбургской губ. собрались въ г. Уфу на выборы, то съ общаго согласія опредѣлили: жертвуемую сумму передать на содержаніе Казанскаго военнаго учалища [1]).

Въ постановлнніи этомъ отъ 28 дек. 1805 г. опредѣлено было къ сбору 27000 р., но къ сожалѣнію, самый сборъ шелъ крайне медленно. Впослѣдствіи, предводитель оренбургскаго губернскаго дворянства Савва Ѳедоровичъ Осоргинъ, сообщая обо всемъ, вышеизложенномъ князю Волконскому, (донесеніе 5 іюля 1809 № 113) между прочимъ объ-

---

[3]) См. тоже дѣло о построеніи въ Оренбургѣ училища, подъ названіемъ «Неплюевскаго» за 1806—1817 г.

[1]) Тамъ же.

яснялъ причину таковаго замедленія тѣмъ, что *„дворяне здѣшніе бѣдные. а заводо-содержатели ничего не хотятъ вносить съ дворянствомъ,* почему и собрано было въ теченіи четырехъ лѣтъ всего 10000 р., которые и были сданы въ оренбургскій приказъ Общественнаго Призрѣнія [2])

Впослѣдствіи, по мысли *С. Ѳ. Осоргина.* собранные на Казанское военное училище 10.000 р. были внесены дворянами на учрежденіе въ г. Уфѣ гражданской гимназіи, которая и была открыта 11-го Ноября 1828 года. [3]) Такова въ краткихъ чертахъ судьба, постигшая предначертанія Александра I объ учрежденіи въ Оренбургѣ дворянскаго военнаго училища.

Несомнѣнно, раздѣляя просвѣщенные взгляды Императора Александра I по отношенію образованія дѣтей мѣстныхъ дворянъ, князь Волконскій, однако, зналъ, что военное училище, по изложеннымъ выше обстоятельствамъ, въ г. Оренбургѣ открыться не можетъ и обширный край снова останется при прежнихъ средствахъ для народнаго образованія, кромѣ того, какъ непосредственный и главный начальникъ края, Волконскій хорошо зналъ нужды своего края и немогъ не обратить вниманія, что за дворянами стоитъ цѣлая масса населенія, нуждающагося еще больше въ просвѣщеніи и смягченіи грубыхъ нравовъ.

Населеніе это состояло съ одной стороны, изъ по-

---

[2]) См. тамъ же.

[3]) См. Историческую записку Столѣтіе Оренбургскаго городскаго 3 клас. училища. сост. И. С. Хохловъ изд. 1889 г.

лудикихъ еще кочевниковъ башкиръ, киргизъ, тептярей, мещеряковъ и пр., а съ другой—изъ казаковъ —піонеровъ этого края, оберегавшихъ границы отъ набѣговъ мятежныхъ шаекъ этихъ же инородцевъ. Если не считать незначительныхъ гарнизоновъ солдатъ и драгунъ, поселенныхъ по крѣпостямъ Оренбургской линіи и незначительнаго торговаго класса, ютившагося по крѣпостямъ, то все русское населеніе края преимущественно состояло изъ казаковъ, въ которыхъ такъ нуждалось охраненіе края отъ постоянныхъ набѣговъ мятежныхъ киргизъ.

Вотъ почему, предполагая учредить училище «Неплюева», князь Волконскій вмѣстѣ съ тѣмъ предназначалъ его собственно для казаковъ и азіатцевъ.

III.

Пожертвованія на Неплюевское училище частныхъ лицъ.— Донесенія князя Волконскаго Императору Александру I.— Главныя основанія проекта о Неплюевскомъ училищѣ.— Списокъ жертвователей.

Для осуществленія своей идеи, князь Волконскій обратился 23 ноября 1805 г. къ общественной помощи, увѣренный что его предположеніе—основать училище въ память Неплюева—встрѣтитъ горячее сочувствіе ъ тѣхъ, кому была дорога память объ этомъ дѣятелѣ Оренбургскаго края. И онъ дѣйствительно не ошибся...

Его живыя, полныя чувства воззванія, проникнутыя благоговѣйнымъ отношеніемъ къ личности Неплюева и его трудамъ на пользу Оренбургскаго края,

нашли отголосокъ среди почитателей Неплюева и письма, полученныя отъ нихъ были для Волконскаго лучшимъ доказательствомъ, что онъ не былъ одинокъ въ своихъ чувствахъ и предпріятіяхъ. Въ числѣ первыхъ и наиболѣе щедрыхъ жертвователей былъ родной внукъ Неплюева, тайный совѣтникъ Иванъ Николаевичъ, приславшій Волконскому 10000 руб. и статская совѣтница Ирина Ивановна *Бекетова*, пожертвовавшая 5000 руб. За ними стали жертвовать и другіе. Общая сумма пожертвованій достигла на первыхъ порахъ болѣе 20000 руб. и князь Волконскій, въ маѣ 1806 г., рѣшилъ, наконецъ, довести о томъ до свѣдѣнія Государя Императора, всеподданнѣйшимъ рапортомъ.

Въ виду важнаго значенія этого историческаго документа, мы приводимъ его въ подлинникѣ [2]).

Его Императорскому Величеству Оренбургскаго военнаго губернатора, князя Волконскаго рапортъ.

«Трехгодичное пребываніе мое въ Оренбургской губерніи и наблюденіе надъ народами, обитающими во Всевысочайше ввѣренномъ управленіи моему краѣ, подало мнѣ довольно способовъ къ узнанію ихъ душевныхъ способностей и нравовъ. Казаки оренбургскаго войска, башкиры, тептяри и мещеряки и всѣ азіатцы имѣютъ природныя дарованія душевныя, неустрашимы, но нравы грубые. При каждомъ удобномъ случаѣ обнаруживается въ сихъ людяхъ склонность

[2]) См. тоже дѣло о построеніи въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго за 1806—1817 гг.

къ переимчивости; но и до селѣ способности ихъ покрываются, такъ сказать, мракомъ заблужденія и лучъ наукъ не проникалъ въ жилища сихъ необразованныхъ народовъ, между тѣмъ какъ во всей Россіи свѣтъ просвѣщенія разливается съ полною быстротою.

«Сострадая о таковомъ положеніи сихъ народовъ, погруженныхъ отъ начала исхожденія своего въ невѣжествѣ, я осмѣлился, Всемилостивѣйшій Государь, предположить средства къ образованію сихъ умовъ заведеніемъ въ Оренбургѣ училища, подъ названіемъ Неплюевскаго и въ семъ намѣреніи сообщилъ предпріятіе мое нѣкоторымъ особамъ, которыя уже пожертвовали на сіе заведеніе слишкомъ за 20 тыс. руб.

Имѣя счастіе всеподданнѣйше представить на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоразсмотрѣніе планъ сему училищу, осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго дозволенія назвать оное именемъ Неплюева, какъ основателя Оренбургскаго края, коего дѣла и теперь еще напоминаютъ о пользахъ сей области и память его жива въ сердцахъ грубыхъ, но благодарныхъ народовъ.

Во всеглубочайшемъ благоговеніи, подношу у сего списокъ особъ, благотворившихъ на сіе заведеніе и осмѣливаюсь повергнуть ихъ Всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества воззрѣнію.

Ежели планъ сей удостоится Высочайшаго утвержденія, то благоволите, Всемилостивѣйшій Государь! повелѣть взять для занятія учительскихъ должностей изъ воспитанниковъ казанскаго военнаго сиротскаго

отдѣленія способнѣйшихъ, а въ надзиратели изъ оренбургскаго гарнизоннаго полка».

Въ октябрѣ того же года князь Волконскій снова обратился съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ Государю Александру I, но уже съ просьбою объ оказаніи помощи отъ щедротъ Его Величества на Неплюевское училище, такъ какъ собранной суммы было далеко недостаточно, и для открытія училища требовалось, по предположенію Волконскаго, всего 60 тыс. руб. и такимъ образомъ, недоставало еще 40000 руб. Какъ увидимъ ниже—изъ письма Волконскаго къ внуку Неплюева,—упонянутый въ донесеніи князя планъ о Неплюевскомъ училищѣ, былъ препровожденъ, по повелѣнію Государя, на разсмотрѣніе въ совѣтъ о военныхъ училищахъ. Вышеупомянутый проектъ Волконскаго о Неплюевскомъ училищѣ носилъ слѣдующее названіе [1]):

«*Предположеніе къ устроенію въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюева*».

Приводимъ этотъ проектъ, придерживаясь подлинника.

А) Назначеніе училища и содержаніе казенныхъ учениковъ.

1) Содержаніе училища относится на проценты съ суммы 40000 рублей.

2) Училище открывается для казаковъ оренбургскаго войска, башкиръ, тептярей, мещеряковъ и всѣхъ вообще азіатцевъ.

---

[1]) См. тоже дѣло.

3) Въ виду поступленія въ училище дѣтей, какъ чиновниковъ, такъ и казаковъ оренбургскаго войска, бѣднаго и богатаго состоянія, ученики подраздѣляются на казенныхъ и своекоштныхъ.

4) Казеннымъ ученикамъ полагается отъ казны пища и книги (одежда отъ родныхъ), а самымъ бѣднѣйшимъ отпускается кромѣ того и одежда.

5) Число казенныхъ учениковъ не должно превышать 40 человѣкъ, изъ которыхъ на полномъ иждивеніи казны состоитъ 20 учениковъ; число же своекоштныхъ можетъ быть неограничено.

6) Полагая на содержаніе училища 6% ежегодный доходъ съ 40.000 руб. (т. е. 2400 р.), Волконскій предполагалъ расходовать на каждаго казенокоштнаго бѣднѣйшаго ученика 45 руб. (25 руб. на пищу, 15 руб. на одежду и 5 руб. на книги и бумагу), что составитъ на 20 учениковъ 900 руб. въ годъ, а на другихъ 20-ть, болѣе состоятельныхъ по 30 р., а всего - 600 руб.; такимъ образомъ, на всѣ остальные расходы училищу ассигновывалось всего 900 руб.

7) Отопленіе и освѣщеніе относятся на экономію отъ 300 руб., отпускаемыхъ на одежду учениковъ.

8) По штату опредѣляется въ училище особый надзиратель, въ распоряженіе котораго и поступаетъ помянутая сумма 2400 р. Надзиратель обязанъ завѣдывать учебной и хозяйственной частью училища, слѣдить за успѣхами и поведеніемъ учениковъ, также и учителей.

9) За неимѣніемъ средствъ къ постройкѣ соб-

ственнаго зданія подъ училище, для него ремонтировалось одно изъ казенныхъ зданій г. Оренбурга.

10) На случай приращенія основнаго капитала, Волконскій предполагалъ содержать на % съ каждыхъ 5000 руб., полученныхъ сверхъ 40000 р. сще 6-ть бѣднѣйшихъ учениковъ.

Б.) Преподаваніе наукъ:

Преподаваніе ведется по правиламъ, установленнымъ для народныхъ училищъ.

1–е отдѣленіе: а) Чтеніе и чистописаніе русскаго языка, татарскаго и персидскаго.

б) Правила грамматики тѣхъ же явыковъ, заключающіяся въ 1-й части грамматикъ.

в) Въ этомъ отдѣленіи состоитъ 2 учителя: Русскаго, Персидскаго и Татарскаго.

До обѣда преподается Русскій языкъ; а послѣ обѣда остальные два.

Число часовъ обученія неопредѣляется, съ тѣмъ ишь условіемъ, что бы не утомлять учениковъ.

2–е отдѣленіе: а) Правила 2 части грамматики Русскаго языка и переводъ съ отечественнаго языка на Азіатскіе и обратно. Учитель долженъ знать хорошо русскій языкъ и между переводами занимать учениковъ разговоромъ на томъ и другомъ діалектѣ.

б) Когда ученики усвоятъ хорошо Русскій языкъ, то преподавать имъ книгу о должности гражданской и нравоученія.

в) Для изощренія способностей и для пользы въ общежитіи преподавать первую часть Ариѳметики.

г) Въ отдѣленіи этомъ должно быть два учителя «Россійскаго—преимущественный долгъ будетъ стараться не только образовать умъ, но и смягчить наипаче грубыя сердца, очищать дикіе нравы и улучшать всѣ склонности душевныя».

3-е отдѣленіе: «Здѣсь преподается а) Географія Россійская, въ особенности топографія Оренбургской губерніи и заграничныхъ знатнѣйшихъ и сосѣдственныхъ народовъ, но прежде должно дать понятіе о всеобщемъ земномъ шарѣ и о раздѣленіи его на части и государства».

б) «Обучать также должно, исторіи народовъ, населяющихъ Россію, Оренбургскій край и живущихъ за границей какъ то: киргизъ-кайсаковъ, бухарцевъ, хивинцевъ и прочихъ смежныхъ азіатцевъ».

Учитель долженъ здѣсь показать свѣдѣнія и о торговлѣ Азіатцевъ съ Россіей.

в) Преподается 2-я часть Ариѳметики.

г) Въ этомъ отдѣленіи состоитъ 1 учитель.

д) «Въ семъ классѣ, между тѣмъ какъ будутъ преподаваться теоретическія науки, пріучаемы будутъ питомцы сего заведенія къ верховой ѣздѣ и ко всѣмъ экзерциціямъ, свойственнымъ и необходимо нужнымъ для иррегулярныхъ войскъ.

Для сего въ лѣтнее время опредѣляется 2 дня въ недѣлю; богатые питомцы имѣютъ лошадей собственныхъ, которыми могутъ пользоваться и казенные воспитанники, а для пастьбы лошедей отводится неподалеку отъ Оренбурга выгонъ и наблюденіе за онымъ поручается 3 казакамъ, изъ войскъ нерегулярныхъ

назначаемымъ, которые пригоняютъ лошадей къ назначенному времени въ городъ.

Зимой экзерциіямъ не быть и лошадей отпускать къ отцамъ воспитанниковъ».

В.) Объ учебныхъ курсахъ.

а) Въ виду возможнаго поступленія въ 1 отдѣленіе учениковъ, обучавшихся уже грамотѣ Русскаго и Татарскаго языка, переводъ изъ одного отдѣленія въ другое, или изъ 1-го класса во 2-й, дѣлаются таковымъ ученикамъ въ январѣ и августѣ мѣсяцѣ.

б) Со 2 отдѣленія (класса), переходъ учениковъ въ слѣдующее—третье отдѣленіе, происходимъ только по истеченіи цѣлаго учебнаго года и по надлежащемъ испытаніи въ успѣшности обученія въ наукахъ.

в) Изъ 3-го отдѣленія никто не можетъ быть выпущенъ прежде двухгодичнаго пребыванія въ этомъ отдѣленіи, а малоуспѣшные остаются и на другой курсъ.

Г) О жалованіи учителямъ, надзирателю проч.

а) Надзиратель опредѣляется изъ Оренбургскаго гарнизоннаго полка; ему присваивается чинъ 9 класса, съ сохраненіемъ соотвѣтствующаго по чину жалованья и кромѣ того 100 р.

б) Учитель 3 отдѣленія получаетъ квартиру и жалованья въ годъ – 250 р.

в) Учителя 2-го отдѣленія получаютъ каждый квартиру и жалованье по 100 руб. въ годъ.

г) Учителя 1 го отдѣленія—квартиру и жалованья по 75 руб. въ годъ.

д) Если учителя будутъ знать, кромѣ татарскаго языка и персидскій, то прибавляется каждому въ годъ еще 30 руб.

е) Всего на учительскій персоналъ ассигнуется 760 р.

ж) На содержаніе учениковъ 1500 руб.

з) На наемъ поварихи (она же и прачка) и сторожа изъ остальныхъ—140 р. А всего на содержаніе училища 2400руб.

Д) О привиллегіяхъ сего училища.

а) «Поступаютъ въ сіе училище дѣти иррегулярныхъ войскъ, по желанію ихъ отцовъ и ихъ собственному—въ возрастѣ отъ 10—15 лѣтъ».

б) «Въ ободреніе учащихся и въ поощреніе единоплеменниковъ ихъ, по окончаніи курса, отличившимся успѣхами и благонравіемъ роздаются—главнымъ начальникомъ края—похвальные листы и они опредѣляются въ службу—казаки съ чинами *урядническими*, а башкиры и прочіе азіатцы—*съ сотническими*, несмотря на ихъ происхожденіе».

в) «Училищу сему состоять въ распоряженіи оренбургской пограничной коммиссіи по предмету внутренняго его устройства, и во всемъ зависѣть отъ главнаго военнаго оренбургскаго начальника».

г) «Учителя производятся въ классные чины по представленію главнаго начальника края и по одобрѣніи коменданта г. Оренбурга, которому имѣть надзоръ какъ за ученіемъ, такъ и за благоустройствомъ въ семъ училищѣ».

Вотъ въ главныхъ чертахъ тотъ «планъ» Неплюевскаго училища, который князь Волконскій въ 1806 году представилъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора Александра I-го.

Изложивъ въ донесеніи Государю свой проектъ, Волконскій представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и списокъ тѣхъ лицъ, которыя внесли свои пожертвованія на Неплюевское училище.

Эти первые жертвователи были слѣдующіе:

1) Тайный совѣтникъ Иванъ Николаевичъ *Неплюевъ*, пожертвовавшій . 10000 руб.
2) Статская совѣтница Ирина Ивановна *Бекетова* . . . . . 5000 руб.
3) Статская совѣтница Екатерина Ивановна *Казицкая* . . . . . 1500 руб.
4) Надворный совѣтникъ *Новосильцевъ*. . . . . 1000 руб.
5) Коммерціи совѣтникъ, московскій именитый гражданинъ Михаилъ Павловичъ *Губинъ* . . . . . 500 руб.
6) Ростовскій купецъ Николай Алексѣевичъ *Кекинъ* [1]) . , , . . 500 руб.

---

[1]) Внукъ ростовскаго купца Кекина, который былъ назначенъ въ 1753 г Неплюевымъ членомъ предлагаемой имъ къ открытію торговый компаніи на паяхъ (капиталъ—отъ 10—20 тыс. руб., акціи по 500—1000 руб. кажд.); членомъ той же компаніи былъ назначенъ извѣстный иниціаторъ горнаго дѣла въ Оренбургскомъ краѣ симбирскій купецъ Ив. Борисовичъ Твердышевъ. Директоромъ компаніи назначался одинъ богатый татаринъ. Цѣль компаніи была завязать торговыя сношенія съ г. *Балхомъ* и *Кабуломъ*. (См. городскую оренб. библіот. Рукопись Г. Θ. *Генса* 4 с. (по каталогу $^{281}/_{119}$) стр. 305. Предположеніе Неплюева о компаніи не осуществилось.

7) Въ 4-хъ башкирскихъ и мещерякскихъ кантонахъ было собрано по добровольной подпискѣ . . . . . 1806 р. 35 к.

Итого . . . 20306 р. 35 к.

Въ слѣдующемъ 1807 году, къ числу жертвователей присоединились:

1) Статскій совѣтникъ Николай Алексѣевичъ *Дурасовъ*, пожертвовавшій . 1000 руб.

2) Коллежская ассессорша Дарья Ивановна *Пашкова* . . . . . 1000 руб.

3) Московскій именитый гражданинъ *Кнауфъ* [2]) . . . . . 1000 руб.

4) Волгскій именитый гражданинъ и петербургскій купецъ Василій Алексѣевичъ *Злобинъ* . . . . . 1000 руб.

IV.

Затрудненія при проведеніи проекта.—Предположенія князя Волконскаго объ измѣненіи этого проекта.—Письма къ жертвователямъ и ихъ отвѣты.

Между тѣмъ какъ шли жертвованія на предполагаемое къ открытію Неплюевское училище, князь Волконскій неожиданно встрѣтилъ препятствіе, которое едва не разрушило всѣ его благія начинанія.

Сознавая недостаточность средствъ для открытія Неплюевскаго училища, князь Волконскій обратился

---

[2]) Бывшій владѣлецъ златоустовскаго завода на р. Аѣ, до перехода его затѣмъ въ казну.

въ 1807 году въ совѣтъ о военныхъ училищахъ, куда, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, поступилъ его проектъ, и просилъ исходатайствовать предъ Государемъ объ отпускѣ изъ казны недостающихъ для открытія училища 40000 рублей.

Совѣтъ, гдѣ предсѣдательствовалъ тогда Великій князь Константинъ Павловичъ, отозвался на эту просьбу рѣшительнымъ отказомъ о выдачѣ 40000 р. и самую идею о Неплюевскомъ училищѣ признавалъ излишней, въ виду уже послѣдовавшаго распоряженія о введеніи въ дѣйствіе устава учебныхъ заведеній 5 ноября 1804 г., «по которому въ Оренбургѣ положено быть гимназіи и уѣздному училищу, а въ прочихъ губернскихъ городахъ таковымъ же уѣзднымъ и по мѣрѣ надобности и приходскимъ».

Такимъ образомъ,—писалъ совѣтъ въ отзывѣ отъ 10 февраля 1807 г. за № 7,—«для просвѣщенія народнаго существовать будутъ въ достаточномъ числѣ учебныя заведенія, въ коихъ входъ къ образованію себя открытъ для всѣхъ сословій»[2]). На каждое училище—сообщалъ совѣтъ—отпущены будутъ отъ казны «знатныя суммы» и выработаны уже точныя правила, почему при таковыхъ, со стороны казны, пожертвованіяхъ на предметъ просвѣщенія, совѣтъ не считаетъ необходимымъ учрежденіе въ Оренбургѣ училища, на которое потребуется вновь отъ казны 40000 руб,; что касается преподаванія въ Неплюевскомъ училищѣ татарскихъ и персидскихъ языковъ,

---

[2]) См. тоже дѣло о построеніи въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго за 1806—1817 г.

то въ уставѣ учебныхъ заведеній 1804 г. предположено также преподаваніе мѣстныхъ языковъ, почему совѣтъ и предлагаетъ—нельзя ли назначить проценты съ собранной суммы (20.306 руб. 35 коп.) на Неплюевское училище, на содержаніе бѣднѣйшихъ учениковъ при уѣздномъ училищѣ въ г. Оренбургѣ, причемъ, по мнѣнію совѣта, часть этихъ учениковъ можно было бы обучать «экзерциціямъ», такъ какъ въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ «симъ искусствамъ не обучаютъ».

Но не того пламенно желалъ Волконскій. На предложеніе совѣта, онъ въ апрѣлѣ 1807 г. отвѣчалъ указаніемъ, что собирая деньги, обѣщалъ жертвователямъ возвратить ихъ, если открытіе Неплюевскаго училища не состоится и что безъ согласія жертвователей ни денегъ, ни процентовъ съ собранной суммы на содержаніе учениковъ-пансіонеровъ при уѣздномъ училищѣ, онъ отдавать не можетъ. «Наконецъ—присовокуплялъ Волконскій—есть такія особы, которыя чтя память Неплюева, желаютъ жертвовать значительныя суммы, тѣмъ болѣе что предположеніе мое, бывъ доведено до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія, имѣло счастіе удостоиться благосоизволенія, какъ о томъ увѣдомилъ меня г. тайный совѣтникъ Новосильцевъ, отъ 13 марта 1807 г. за № 149».

Опасаясь однако, что самая идея увѣковѣчить заслуги Неплюева можетъ не осуществиться, Волконскій принялъ, какъ говорится, скрѣпя сердце, предложеніе совѣта, но съ условіемъ, чтобы по крайней мѣ-

свое письмо такъ: «Но если уже сего невозможно будетъ сдѣлать, то, по полученіи вашего благосклоннаго отвѣта, я не оставлю представить планъ въ совѣтъ о военныхъ училищахъ о учрежденіи при здѣшнемъ (уѣздномъ) училищѣ особеннаго отдѣленія для бѣдныхъ дѣтей, которые буду именовать «Неплюевскими воспитанниками».

На письмо къ И. Н. Неплюеву, Волконскій получилъ слѣдующій отвѣтъ:

II. Письмо И. Н. Неплюева къ Волконскому.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь!

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 31 іюля и при ономъ списокъ съ отношенія къ его превосходительству Николаю Николаевичу Новосильцеву я имѣлъ честь получить. Изъявляя симъ мое согласіе на предлагаемое вашимъ сіятельствомъ употребленіе пожертвованныхъ мной десяти тысячъ рублей на заведеніе въ память дѣду моему тайному совѣтнику Ивану Ивановичу Неплюеву особеннаго училища или отдѣленія при уѣздномъ училищѣ для бѣдныхъ дѣтей, которые будутъ именоваться «Неплюевскими», я долгомъ поставляю повторить вашему Сіятельству всепокорнѣйшую благодарность мою какъ за отличныя чувствованія къ памяти моего дѣда, кои изображаются въ отношеніяхъ вашихъ, такъ и за то росположеніе ваше, коимъ вы меня удостаивать соизволите. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и таковою-жъ

преданностью на всегда быть честь имѣю вашего Сіятельства всепокорный слуга Ив. Неплюевъ.

21 ноября 1807 г. г. Астрахань.

III. Письмо Волконскаго И. Н. Неплюеву.

Получивъ согласіе И. Н. Неплюева, Волконскій счелъ своимъ долгомъ горячо благодарить жертвователя, и 11 декабря 1807 года имъ было отправлено слѣдующее письмо:

Милостивый Государь,
Иванъ Николаевичъ!

«Уважая съ отличнымъ почтеніемъ знаменитаго вашего дѣда по заведеніямъ его въ Оренбургскомъ краѣ, прославляя всегда основателя благоустройства въ дѣлахъ здѣшнихъ странъ, я за пріятный долгъ постановилъ увѣковѣчить память господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Неплюева, прочнымъ и полезнымъ заведеніемъ въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища.

Въ бытность мою прошедшаго года въ столицѣ, я лично имѣлъ счастіе Всеподданнѣйше докладывать о семъ Государю Императору и Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ принять предположенія мои по сему предмету въ уваженіе, о чемъ я имѣлъ честь увѣдомить ваше Превосходительство въ свое время. Государь Императоръ соизволилъ предназначить на содержаніе училища сего особенную сумму, сверхъ пожертвованной,—но стеченіе

смутныхъ обстоятельствъ въ Европѣ положило, кажется, тому предѣлы.

По тому то совѣтъ о военныхъ училищахъ и отклонилъ мое намѣреніе отъ заведенія особеннаго Неплюевскаго училища и предлагалъ пожертвовать внесенною суммою на народное училище. Поставивъ за правило почтить память Ивана Ивановича и видя не расположеніе правительства, я предположилъ составить при уѣздномъ училищѣ *особенное* отдѣленіе, въ которомъ ученики будутъ именоваться *Неплюевскими* воспитанниками; и ваше Превосходительство, почтительнѣйшимъ письмомъ отъ 21 ноября, изволили изъявить согласіе на употребленіе 10 тысячъ руб., пожертвованныхъ вами на сей предметъ. Принося вамъ, милостивый государь, за сіе совершенную благодарность, я долженъ увѣдомить ваше Превосходительство, что и всѣ взнесшія посильныя пожертвованія съ особеннымъ удовольствіемъ, по вторичному моему предположенію, обратили свои приношенія на образованіе Неплюевскихъ воспитанниковъ.

Имѣя теперь достаточно видовъ къ сему заведенію, я не могъ однако-же ограничить своего желанія устроеніемъ одного отдѣленія для Неплюевскихъ воспитанниковъ при уѣздномъ училищѣ: намѣреніе мое стремиться къ тому, чтобы сдѣлать достойный памятникъ основателю здѣшняго края, и есть ли бы ваше Превосходительство не находилось теперь въ Астрахани, то я бы убѣдительнѣйше просилъ васъ содѣйствовать проведенію въ исполненіе прежняго предположенія моего, сообщеннаго вамъ въ Петербургѣ. Я

поставилъ себѣ долгомъ, если благоволитъ Всевышній, быть мнѣ въ предстоящемъ лѣтѣ въ С.-Петербургѣ, всеподданнѣйше просить Государя Императора о устроеніи здѣсь особеннаго Неплюевскаго училища, я и буду тогда просить также вашего содѣйствія, но если уже не послѣдуетъ на сіе Высочайшаго соизволенія, то составится особенное отдѣленіе для Неплюевскихъ воспитанниковъ при уѣздномъ училищѣ».

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честъ быть Вашего превосходительства покорный слуга,

Григорій Волконскій.

IV. Письмо Г-жи Ирины Бекетовой къ Волконскому.

Г-жа Бекетова, изложивъ въ своемъ письмѣ предложеніе князя Волконскаго, между прочимъ, пишетъ: «Хотя сумма и назначена мною на училище въ память покойнаго Ивана Ивановича Неплюева, но когда, оно, по обстоятельствамъ, не могло быть учреждено, то я соглашаюсь оставить употребленіемъ оной совершенно на благоизволеніе Вашего Сіятельства, безъ сомнѣнія была увѣрена, что общественная польза есть единственною цѣлію вашихъ дѣяній. Съ глубокимъ почтеніемъ и т. д.»

V. Письмо Н. Кекина къ Волконскому.

Купецъ Ник. Кекинъ, въ письмѣ изъ Переяславля Залѣсскаго, отъ 10 Іюня 1807 г., соглашаясь также передать свое пожертвованіе на благоусмотрѣніе князя Волконскаго, между прочимъ, писалъ:

«Въ теченіи времени какъ край тотъ ввѣренъ Вашему Сіятельству, хотя я и не быль уже тамъ, но дѣятельныя и благодѣтельныя Вашего Сіятельства распоряженія, между прочимъ, и торговли касающіяся, дали чувствовать ваши благодѣянія и мнѣ по малымъ тамъ моимъ дѣламъ, заведеннымъ моими еще дѣдами, съ началомъ торговли того края и во времена того славнаго мужа, котораго милости они носили и послѣ съ чувствомъ произносили его имя, что достигло и до меня.

Ваше Сіятельство, первымъ письмомъ отъ 23 ноября 1805 г., благоволили объяснить ваше желаніе соорудить памятникъ достойному оному мужу, каковой не менѣе заставлялъ бы всегда памятовать и славнаго соорудителя онаго, я спѣшилъ, по возможности моихъ силъ, доставить малый мой участокъ»...

Мы не будмъ перечислять отзывы всѣхъ жертвователей: всѣ они въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ свидѣтельствуютъ о непоколебимой ихъ увѣренности въ благую цѣль, преслѣдуемую княземъ Волконскимъ, и приведемъ лишь, въ заключеніе, письмо одного жертвователя—купца Василія Злобина и отвѣтъ на него Волконскаго, особенно характеризующій душевную отзывчивость князя Григорія Семеновича.

VI. Письмо В. Злобина къ Волконскому.

Сіятельный князь,

Милостивый Государь!

Пріятель мой, Филиппъ Козьмичъ Шапошниковъ, вмѣстѣ съ симъ письмомъ предоставитъ Вашему Сі-

ятельству денегъ 1000 руб., назначенныхъ мною во время бытности вашей здѣсь (Петербургѣ) въ пожертвованіе на вновь заводимое въ г. Оренбургѣ училище, называемое Неплюевскимъ; исполняя симъ обѣщаніе мое, я желалъ бы на таковое полезнѣйшее заведеніе сдѣлать и болѣе пожертвованія, но къ сожалѣнію моему не могу исполнить желанія моего по причинѣ лично мною Вашему Сіятельству здѣсь объясненной и всепокорнѣйше прося о продолженіи ко мнѣ вашего благорасположенія съ глубочайшею преданностью и высокопочитаніемъ за отличное счастіе поставляю предостаться на всегда, Сіятельный князь,

Милостивый Государь,
Ваше Сіятельство!

Всепокорнѣйшій слуга Василій Злобинъ.

С.-Петербургъ 26 апрѣля 1807 г.

VII. Отвѣтъ Волконскаго В. Злобину.

Милостивый Государь мой!
Василій Алексѣевичъ!

Вашъ и мой пріятель, Филиппъ Кузьмичъ г. Шапошниковъ, доставилъ ко мнѣ съ письмомъ вашимъ отъ 26 апрѣля 1000 р. на заводимое въ Оренбургѣ Неплюевское училище. Питомцы сего училища будутъ благословлять имена благотворителей, въ томъ числѣ и ваше. Утѣшеніе сердечное за благодѣяніе другимъ будетъ вамъ доставлять сугубое мздовоздаяніе.

И въ бытность мою въ Петербургѣ вы меня любили и въ отдаленности не забываете. Не знаю чѣмъ заслужилъ я вашу любовь, кромѣ искренняго моего къ вамъ усердія. Повѣрьте и мнѣ любезный и почтенный Василій Алексѣевичъ, что я любовь вашу цѣнить умѣю и соотвѣтствую оной искреннею къ вамъ приверженностью и душевнымъ почтеніемъ, съ какимъ имѣю честь быть, Милостивый Государь мой, вашъ покорный слуга Г. Волконскій.

V.

Увеличеніе капитала, собраннаго на Неплюевское училище.— Проектъ Волконскаго о передачѣ мечетной суммы въ доходъ того же капитала.—Новыя пожертвованія и заключительныя распоряженія Волконскаго о Неплюевскомъ училищѣ.

Недостаточность средствъ, собранныхъ на Неплюевское училище, заставили Волконскаго прибѣгнуть къ выдачѣ ссудъ частнымъ лицамъ изъ собраннаго имъ на Неплюевское училище капитала. Выдавая ссуды, Волконскій былъ крайне остороженъ: выдача ссудъ производилась по его непосредственному распоряженію, подъ вѣрные залоги и не менѣе 6% годовыхъ; при этомъ Волконскій принималъ во вниманіе извѣстное общественное или служебное положеніе просителя.

Такъ были выданы ссуды слѣдующимъ лицамъ:

Дивизіонному доктору оренбургской инспекціи коллежск. ассессору Пятницкому. 1300 р. [2])

[2]) Свѣдѣнія о выдачѣ ссудъ частнымъ лицамъ взяты изъ того же дѣла о построеніи въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго за 1806—1817 г.г.

Шефу уфимскаго мушкетерскаго полка генералъ-маіору Цибульскому . . . . 1500 р.
Казанскому купцу Галею Шихмуратову. 2000 р.
Шефу рыльскаго мушкетерскаго полка генералъ-маіору Окулову . . . . . 2570 р.
Коллежскому совѣтнику Григорію Карелину . . . . . 5000 р.
Коллежскому секретарю Николаю Никифоровичу Пріѣзжеву . . . . . 10000 р.
Причемъ Пріѣзжевъ, при займѣ пожертвовалъ 200 р. на Неплюевское училищѣ.

Сообщая Оренбургской пограничной коммиссіи объ этомъ пожертвованіи, Волконскій собственноручно написалъ: «Предложить коммиссіи объявить благодарность г. Пріѣзжеву за пожертвованныя въ пользу Неплюевскаго училища 200 руб., и рекомендовать коммиссіи, чтобы впредь, сверхъ указанныхъ 6%, вносимы были по 2% въ пользу бѣдныхъ будущихъ воспитанниковъ Неплюевскаго училища, къ чему стараться согласить ласковостью желающихъ брать взаемъ деньги».

Выданы были также заимообразно 1000 руб. герцогу варшавскому Виктору, «въ уваженіе—какъ писалъ 24 іюня 1814 г. Волконскій варшавскому генералъ-губернатору Василію Сергѣевичу Ланскому—бѣдственнаго положенія французскихъ плѣнныхъ офицеровъ, возвращавшихся изъ г. Оренбурга на родину».

Въ тѣхъ же видахъ увеличенія собранной суммы на Неплюевское училище, Волконскій рѣшилъ причислить къ ней такъ называемую мечетную сумму, и вмѣстѣ съ тѣмъ присоединить къ предполагаемому

училищу киргизскую школу при мечетѣ у Мѣщоваго двора. Къ этому побуждали князя Волконскаго слѣдующія обстоятельства.

12 октября 1808 г. за № 791, Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій обратился къ князю Волконскому за разрѣшеніемъ вопроса—гдѣ будетъ удобнѣе, по его мнѣнію, открыть гражданскую гимназію, согласно Высочайше утвержденнаго 5 ноября 1804 года устава учебныхъ заведеній,—въ Уфѣ, какъ губернскомъ городѣ, или въ Оренбургѣ, гдѣ находится главное народное училище, которое могло бы быть преобразовано въ гимназію, съ присоединеніемъ только нѣкоторыхъ наукъ, назначенныхъ для гимназіи?

Запросъ графа Заводовскаго былъ переданъ Волконскимъ на заключеніе оренбургскому губернатору Ивану Григорьевичу *Фризель*, который съ своей стороны высказался за открытіе гражданской гимназіи въ Уфѣ [1]). Изложивъ мотивы, въ силу которыхъ по мнѣнію Волконскаго, удобнѣе было открыть гимназію въ Уфѣ, переведя для того народное училище изъ г. Оренбурга въ г. Уфу, Волконскій 29 декабря 1808 г., отвѣчалъ графу Завадовскому: «Остается мнѣ присовокупить къ сему только, что за выводомъ отсюда народнаго училища, необходимо нужно учредить здѣсь училище для Азіатъ и всѣхъ вообще иррегулярныхъ войскъ, а потому я возобновляю мое предположеніе

---

[1]) См. тоже дѣло о построеніи въ г. Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго за 1806—1717 гг.

объ учрежденіи Неплюевскаго училища. И въ отвращеніе затрудненій объ отпускѣ изъ казны 40000 рублей на Неплюевское училище полагаю [2]).

1) «Училище при мечетѣ Мѣноваго двора, состоящее въ вѣдѣніи пограничной коммиссіи и основанное по Высочайшему повелѣнію 28 февраля 1789 г., и на которое ежегодно отпускается 2007 руб. изъ казенной палаты,—соединить съ предполагаемымъ Неплюевскимъ.

2) Училищу этому состоять въ вѣдѣніи пограничной коммиссіи подъ дирекціей предсѣдателя ея—коменданта г. Оренбурга и главнокомандующаго краемъ.

3) Къ суммѣ доброхотныхъ жертвователей, къ 29 декабря 1808 г. достигшихъ съ наросшими %—26246 руб. 53 коп. присоединить экономическую мечетную сумму 16730 руб., что составитъ всего 42976 руб. 53 коп.

4) Отпускаемыя ежегодно 2007 руб. на мечеть и школу при Мѣновомъ дворѣ присоединить къ суммѣ училища Неплюевскаго и производить изъ 2007 руб., равно какъ и съ % съ 42976 руб. 53 коп. содержаніе учителей и учениковъ сего заведенія».

Такимъ образомъ, Волконскій первый подалъ мысль объ упраздненіи школы при мечети на Мѣновомъ дво-

---

[2]) См. тоже дѣло о построеніи въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго за 1806—1817 гг.

рѣ [1]), приносившей скорѣе вредъ чѣмъ пользу русскому дѣлу въ Оренбургскомъ краѣ и затѣмъ о передачѣ экономической мечетной суммы,—остававшейся въ пограничной коммиссіи на содержаніе мечетей, сооруженныхъ по Высочайшему повелѣнію на границахъ бывшаго уфимскаго намѣстничества,—въ доходъ Неплюевскаго капитала.

Между тѣмъ какъ Волконскій изыскивалъ средства для достиженія намѣченной имъ цѣли и проектировалъ вмѣсто гимназіи, открыть въ г. Оренбургѣ Неплюевское училище, дворяне Оренбургской губ., какъ мы уже знаемъ изъ донесеній *С. Ѳ. Осоргина*, рѣшили внести собранные ими 10 тысячъ руб. на устройство дома въ г. Уфѣ для гражданской гимназіи, о чемъ князь Волконскій 17 февраля 1809 г. за № 243 и сообщилъ графу Заводовскому, прося по этому поводу, вновь содѣйствія министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи Неплюевскаго училища.

Съ этою же просьбою онъ обратился 10-го марта 1809 г. (№ 356) и къ попечителю Казанскаго учеб-

---

[1]) Когда упразднена киргизская школа при мечетѣ на Мѣновомъ дворѣ, точныхъ указаній нѣтъ. Извѣстно только что по Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ въ 1817 г., ассигновавшіеся,-на содержаніе 64 учениковъ при школѣ, 1125 руб., присоединены къ капиталу Неплюевскаго училища, а остальные 882 р. ассигнованы на содержаніе мечетныхъ служителей при *Зауральной и Оренбургской* мечетяхъ. Въ 1852 году на содержаніе мечетныхъ служителей отпускалоось 110 р. 31 к. серебр. Однако отпускъ денегъ именовался «на содержаніе киргизскаго училища въ Оренбургѣ», что впрочемъ не доказываетъ что это училище существовало и въ 1852 г., такъ какъ на учениковъ денегъ уже не отпускалось съ 1817 г., а лишь указываетъ, что сумма 110 р. 31 к. входила прежде въ общую смѣту на содержаніе киргизской школы на Мѣновомъ дворѣ въ Оренбургѣ.

наго округа дѣйствительному статскому совѣтнику Николаю Степановичу Романовскому [1]).

«Убѣдительнѣйше и всепокорнѣйше прошу васъ, милостивый государь—писалъ Волконскій—употребить ваше представительство, чтобы непремѣнно дозволено было завести здѣсь Неплюевское училище.

Суммы на сіе со стороны казны я нисколько вновь не испрашиваю и убытковъ никакихъ для оной послѣдовать не можетъ. Съ устроеніемъ же сего заведенія, открыты будутъ способы къ просвѣщенію иррегулярнымъ войскамъ и всѣмъ вообще вѣрноподданнымъ азіатцамъ и вмѣстѣ съ симъ увѣковѣчится память основателя Оренбургскаго края г. Неплюева, заведенія и дѣла коего съ признательнѣйшею благодарностію воспоминаютъ и доселѣ здѣшніе необразованные, но чувствительные обитатели. Доказательствомъ рвенія къ воздвигнутію таковаго памятника господину Неплюеву служитъ сумма, собранная мною отъ доброхотныхъ даятелей; я пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю, сверхъ пользы отъ Неплюевскаго училища, произойти долженствующихъ, ходатайствовать и объ удовлетворенія желанія, сдѣлавшихъ на сей предметъ пожертвованія. Повторяя вашему сіятельству всеусерднѣйшую мою просьбу о приведеніи въ дѣйствіе сего моего предположенія, съ почтеніемъ имѣю честь быть Григорій Волконскій».

Затрудненія, встрѣчаемыя со стороны Совѣта о

---

[1]) См. тоже дѣло о построеніи въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго за 1806—1817 г.г.

военныхъ училищахъ только усиливали настойчивость Волконскаго. Получивъ увѣдомленіе совѣта (отъ 31 іюля 1809 г.) что разсмотрѣніе плана Неплюевскаго училища оставлено имъ впредь до утвержденія указа о штатахъ губернскихъ военныхъ училищъ, Волконскій 10 мая 1810 г. обратился съ просьбой къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому, занявшему постъ министра народнаго просвѣщенія, о необходимости учредить Неплюевское училище въ Оренбургѣ, а затѣмъ даже и къ главнокомандующему Барклай де Толли, прося его ходатайства предъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, что Барклай де Толли и исполнилъ, какъ это видно изъ его отношенія отъ 6 сент. 1810 г. № 4808 [1]).

Пожертвованія на Неплюевское училище между тѣмъ постепенно прибывали. Такъ въ 1809 г. 10 сентября, оренбургскій помѣщикъ *Тогузаковъ* представилъ Волконскому на устройство училищныхъ домовъ и на другія необходимыя постройки при этомъ заведеніи 5000 руб.

Купецъ В. А. Злобинъ, по мимо выше упомянутыхъ нами 1000 р., пожертвовалъ 7 ноября 1811 г. подъ училище, собственный деревянный двухъ этажный домъ, гдѣ жилъ въ то время пріятель его коллежскій ассессоръ Шапошниковъ; домъ былъ принятъ отъ Шапошникова въ пограничную коммиссію по оцѣнкѣ въ 3500 р. Домъ этотъ находился какъ разъ противъ церкви Св. Живоначальныя Троицы (нынѣ

---

[1]) См. тоже дѣло о построеніи въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго за 1806—1817 г.г.

стоитъ противъ церкви оренбургская женская гимназія, и такъ какъ домъ этотъ пустовалъ, то Волконскій предписалъ 2 іюля 1812 г. № 1407, оренбургской войсковой канцеляріи, назначить къ этому дому ежедневный караулъ изъ 3 форштадскихъ казаковъ [1]). Въ виду того что домъ приходилъ въ ветхость и требовалъ ремонта, Волконскій въ 1813 г. разрѣшилъ пограничной коммиссіи продать его коллежской ассессоршѣ Маріѣ Осиповнѣ *Секретаревой* за 3000 р. Еще ранѣе, а именно въ 1808 г., Волконскимъ былъ пріобрѣтенъ домъ для начальника будущаго Неплюевскаго училища, купленный имъ у вдовы коллежской ассессорши Екатерины *Иглиной*. Домъ этотъ со всѣми службами былъ принятъ въ пограничную коммиссію за 1200 руб. [2]).

Нашествіе Наполеона I и разразившаяся надъ Россіей гроза двѣнадцатаго года надолго отодвинули разрѣшеніе вопроса объ учрежденіи въ Оренбургѣ Неплюевскнго училища. Послѣдующіе войны Россіи и ея союзниковъ съ Наполеономъ I еще болѣе затормозили благія начинанія Волконскаго, но онъ до конца своей дѣятельности въ Оренбургскомъ краѣ не оставлялъ своей завѣтной мечты.

Отъѣзжая въ 1817 г. въ Петербургъ и покидая навсегда горячо любимый имъ Оренбургскій край, послѣ 14 лѣтняго управленія, Волконскій не забылъ

---

1) Казаки, принадлежащіе къ Форштадту (Оренбургской станицѣ), представляющему предмѣстье г. Оренбурга.

2) См. тоже дѣло о построеніи въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго за 1806—1817 г.

сдѣлать и послѣднія распоряженія свои о Неплюевскомь училищѣ [1]).

10 февраля 1817 г. за № 303 онъ сообщилъ оренбургской пограничной коммиссіи, что въ настоящее время скопилась у него сумма на Неплюевское училище 38.298 р. 95½ к. съ процентами, которыхъ насчитывается 6678 р. 17½ к.

«О суммѣ этой — писалъ Волконскій *я не оставлю въ свое время донести Его Императорскому Величеству*. Такъ какъ изъ пограничной коммиссіи забрато мною заимообразно подъ росписки денегъ: изъ той собранной на училище суммы — 21490 р. да изъ суммъ другаго рода 18510 р., а всего 40000 р., то для пополненія оныхъ препровождая при семъ заемныя письма, данные мнѣ на занятую у меня сумму — оренбургскаго помѣщика коллежскаго совѣтника Тимашева — 38000 р. и штабъ-ротмистра Рычкова 2000 р., предлагаю возвратить мои росписки, а съ сихъ чиновниковъ взять деньги, когда минуть сроки и вообще всѣмъ, кто брали въ заемъ, вести списки и взыскать деньги. По полученію же оныхъ хранить въ цѣлости всю вообще училищную сумму до имѣющаго

---

[1]) По словамъ старожиловъ (какъ напр д. с. с. Н. М. Бекчурина), Волконскій долго не выѣзжалъ изъ Оренбурга, хотя и состоялось уже Высочайшее повелѣніе о зачисленіи его въ Сенатъ. Его увезли въ Петербургъ почти обманомъ. Волконскому въ это время было уже 65 лѣтъ. Судя по послѣднимъ распоряженіямъ Волконскаго о Неплюевскомъ училищѣ есть основаніе предполагать что Волконскій мечталъ возвратиться въ Оренбургъ и осуществить свою завѣтную мечту объ учрежденіи Неплюевскаго училища *Примѣч. автора.*

впредь быть распоряженія, непосредственно по моему ходатайству имѣющаго воспослѣдовать.

Оренб. воен. губернаторъ
Князь Волконскій [1]).»

VI.

Прибытіе Генералъ-отъ инфантеріи П. К. Эссенъ въ Оренбургскій край и его первоначальныя распоряженія и штатъ о Неплюевскомъ училищѣ.—Докладная записка П. К. Эссенъ Императору Александру I.—Открытіе Неплюевскаго военнаго училища и его назначеніе.—Заботы П. К. о постройкѣ каменнаго зданія для училища.—Начало этихъ работъ.—Заключеніе.

Назначенный по Высочайшему повелѣнію военный губернаторъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ прибылъ въ г. Оренбургъ въ 1817 году. Принимая дѣла своего предмѣстника, П. К. Эссенъ горячо отнесся къ предположенію Волконскаго объ учрежденіи въ г. Оренбургѣ Неплюевскаго училища и въ числѣ его первоначальныхъ распоряженій было донесеніе Эссена военному министру въ іюлѣ 1817 года о необходимости скорѣйшаго открытія въ г. Оренбургѣ Неплюевскаго училища. Въ донесеніи этомъ П. К. Эссенъ писалъ: необходимый для открытія училища капиталъ долженъ быть не менѣе 80000 р., а между тѣмъ сумма достигаетъ всего 38298 р., да состоитъ въ пограничной коммисіи экономической суммы (мечетной), отпус-

[1]) См. тоже дѣло о построеніи въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго.

кавшейся на содержаніе киргизскаго училища на Мѣновомъ дворѣ—20000 руб., почему недостающіе до 80000 р., предполагается собрать отъ добровольныхъ жертвователей. Если же—доносилъ Эссенъ военному министру,—послѣднее не оправдается, то и безъ того составится дѣйствительный капиталъ въ 58298 р., да % съ ежегодной ссуды 3497 р. и кромѣ того ежегодно отпускаемой суммы на киргизское училище 2007 р., такъ что вѣрный годовой доходъ будетъ въ 5504 р., на что можно содержать училище. Для помѣщенія же его можно будетъ отвести казенный домъ, принадлежащій пограничной коммиссіи и занимавшійся подъ квартиру князя Волконскаго.

На семъ основаніи полагаю я мнѣніе мое:

1) Учредить въ Оренбургѣ училище подъ названіемъ Неплюевское;

2) Обучать въ ономъ дѣтей Оренбургскаго войска чиновниковъ и казаковъ, башкирскихъ, мещеряцкихъ, тептярскихъ, киргизскихъ и другихъ азіатцевъ.

3) Бѣднѣйшихъ изъ нихъ содержать на счетъ вышеозначеннаго годоваго дохода въ 5504 р., опредѣливъ комплектное число въ 40 чел., да столько же изъ достаточныхъ на собственномъ коштѣ отцовъ, которые могутъ вносить не болѣе того, что и для первыхъ полагается.

4) Предметы ученія: наставленіе въ религіи, чтеніе и чистописаніе россійскаго, татарскаго и персидскаго языковъ и правила грамматики; ариѳметика, исторія народовъ, населяющихъ Россію, Оренбургскій край и земли за границею р. Урала, географія общая и въ

особенности топографія здѣшняго края, военныя экзерциціи, приличныя казачьей службѣ.

5) Питомцевъ сихъ, по окончаніи курса, опредѣлять на службу урядниками, хорунжими и переводчиками къ дѣламъ пограничнымъ.

6) По неимѣнію въ здѣшнихъ сиротскихъ отдѣленіяхъ способныхъ людей въ учителя, истребовать оныхъ изъ Оренбургскаго или Казанскаго духовнаго училища, которые будутъ производиться въ классные чины и награждаться по заслугамъ. Впослѣдствіи времени могутъ быть учителями и изъ воспитанниковъ Неплюевскаго училища на томъ же правѣ.

7) Для управленія училищемъ назначить 2—3 чиновниковъ изъ должностныхъ или отставныхъ, безъ всякаго вознагражденія, ввѣривъ имъ капиталъ училища, проценты и сумму, отпускаемую изъ казны-2007 р. на киргизское училище.

8) Училищу этому состоять въ непосредственномъ вѣдѣніи оренб. воен. губернатора, который въ случаѣ надобности, будетъ относиться въ совѣтъ о военныхъ училищахъ.

Изъ приложеннаго П. К. Эссеномъ штата этому училищу видно:

1) Въ училище поступаютъ дѣти не моложе 8 и не старѣе 15 лѣтъ.

2) Принимаются преимущественно дѣти, отцы коихъ скончали жизнь свою на службѣ въ Оренб. краѣ и тѣ, отцы коихъ состоятъ недостаточными.

3) Назначенный въ училище надзиратель доставля-

етъ ежемѣсячно свѣденія о поведеніи и успѣхахъ учениковъ.

4) Учителя опрѣляются и увольняются по распоряженію военнаго губернатора.

5) Учебное время, по примѣру другихъ учебныхъ заведеній, продолжается съ 1 августа предъидущаго года по 1 іюля слѣдующаго года.

6) Училище дѣлится на 3 отдѣленія; изъ 1 отдѣленія дѣлается переводъ воспитанниковъ во 2 отдѣленіе два раза въ годъ: въ январѣ и августѣ, смотря по подготовленности ученика; изъ II отдѣленія—черезъ два года; изъ III-го отдѣленія выпускаются не ранѣе 2-хъ лѣтъ.

7) Экзерциціямъ обучаютъ оберъ-офицеры изъ опытныхъ кавалеристовъ.

8) Въ каждомъ отдѣленіи занятія продолжаются 8 часовъ въ день и начинаются съ 7 часовъ утра, продолжаясь до 11 и съ 2 часовъ до 5 по полудни.

9) Учителя въ первое воскресенье каждаго мѣсяца собираются къ смотрителю сего училища для совмѣстнаго обсужденія способовъ къ лучшему веденію занятій.

10) Въ случаѣ особыхъ проступковъ воспитанниковъ, о семъ докладывается военному губернатору.

11) Въ концѣ іюня дѣлается публичный экзаменъ; ученики награждаются книгами, похвальными листами и самыхъ отличныхъ награждаютъ деньгами, одеждой [1]).

---

[1]) См. въ томъ же архивѣ дѣло о штатѣ Неплюевскаго училища 1817 г. на 15 листахъ. Отдѣлъ гражданскій.

Всѣ вышеуказанныя предположенія П. К. Эссена съ достаточною ясностію свидѣтельствуютъ, что идея Волконскаго объ учрежденіи въ Оренбургѣ особаго училища для казаковъ и азіатцевъ Оренбургскаго края, во всѣхъ своихъ деталяхъ, нашла полное сочувствіе его преемника.

Первоначальныя предположенія Волконскаго и Эссена были, наконецъ, разсмотрѣны въ совѣтѣ о военныхъ училищахъ въ 1822 г., и проектъ постановленія о Неплюевскомъ военномъ училищѣ былъ Высочайше конфирмованъ 9 февраля 1824 года. Въ этомъ постановленіи Неплюевское училище впервые было названо «*военнымъ*» [1]).

Въ томъ же году, 17 іюля, скончался въ Петербургѣ иниціаторъ созиданія этого училища, князь Волконскій, будучи 72 лѣтнимъ старцемъ, а черезъ два мѣсяца послѣ кончины Волконскаго, Оренбургъ имѣлъ счастіе встрѣтить у себя Государя Императора Александра I. Пользуясь прибытіемъ Государя, П. К. Эссенъ подалъ Его Величеству 12 сентября 1824 г. докладную записку слѣд. содержанія:

«На основаніи Высочайше Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, конфирмованнаго въ 9 день февраля сего 1824 г. постановленія о Неплюевскомъ военномъ училищѣ оное *будетъ открыто здѣсь 1 января*

---

[1]) См. въ томъ же архивѣ упраздненнаго Оренб. генер. губер. управленія дѣло: «о устроеніи для Неплюевскаго военнаго училища каменнаго зданія и при ономъ флигелей, службъ и о покупкѣ деревяннаго дома у сотника Холмскаго. Начато 29 авг. 1824 г. рѣшено 28 февр. 1828 г. на 37 листахъ. Оддѣлъ гражданскій.

1825 г. въ деревянномъ домѣ для сего училища предназначенномъ, который пришелъ въ такую ветхость, что по необходимомъ исправленіи, съ нуждою только въ немъ можетъ быть помѣщено небольшое число воспитанниковъ, соотвѣтственное величинѣ его.

Посему я поставилъ долгомъ изыскать способы къ построенію зданія новаго на иждивенія самаго училища.

По составленнымъ плану и смѣтѣ на таковое зданіе каменное требуется 86433 р. 80 к.

Сумма сія, не касаясь капитала Неплюевскаго училища, можетъ въ теченіи времени составиться изъ остатковъ отъ употребленія доходовъ училищу присвоенныхъ, ибо капиталъ онаго-въ 1822 г., когда былъ окончательно разсмотрѣнъ проектъ упомянутаго постановленія, заключался въ 152 тысячахъ рублей; отъ обращенія же въ процентахъ и отъ сбора билетной суммы, нынѣ капиталъ сей увеличился до 200 тыс. рублей [1]), такъ что за расходами, штатомъ для училища опредѣленнымъ, ежегодно будетъ оставаться по 5305 р. Сверхъ того, поелику въ верхніе классы поступятъ воспитанники черезъ четыре года по открытіи училища, то въ сіе время отъ некомплекта ихъ будетъ остатковъ 12090 руб.; отъ экономіи и пожертвованій частныхъ лицъ я надѣюсь пріобрѣсть 3123 р. 80 к.; затѣмъ недостаетъ на постройку зданія 50 тыс. руб., а вышесказанные ежегодные ос-

---

[1]) Въ томъ числѣ была и мечетная сумма, а потому таковая и не могла быть въ числѣ 200 тыс. руб., какъ то опредѣлено въ очеркѣ полковника Митурича о Неплюевскомъ училищѣ и корпусѣ (См. справочн. книж. по Оренб. губ. за 1870 г.).

татки отъ издержекъ доходовъ училища (5305 р.) составятъ не прежде какъ черезъ 10 лѣтъ.

Дабы по сей только причинѣ Неплюевское училище на долгое время не оставалось безъ усовершенствованія и полнаго комплекта воспитанниковъ и имѣя въ виду сколь благодѣтельно и необходимо въ здѣшнемъ краѣ сіе заведеніе, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія на постройку предполагаемаго каменнаго зданія для Неплюевскаго училища, на счетъ остатка принадлежащихъ ему суммъ, имѣющаго быть отъ употребленія доходовъ, не касаясь капитала и Всемилостивѣйшаго повеленія отпустить на сей предметъ изъ казны заимообразно 50 тыс., съ возвратомъ въ 10 лѣтъ, начиная съ 1 января 1829 г. Подписалъ генералъ отъ инфантеріи Эссенъ 12 сент. 1824 г. г. Оренбургъ».

Давно ожидавшееся открытіе Неплюевскаго военнаго училища, наконецъ, совершилось 2 января 1825 года, но при какихъ условіяхъ, намъ, къ сожалѣнію, не удалось отыскать въ архивныхъ документахъ; живыхъ же свидѣтелей этого событія не осталось.

Извѣстно только слѣдующее: 19 августа 1825 г. П. К. Эссенъ, сообщая начальнику главнаго штаба барону Ив. Ив. Дибичу о Всемилостивѣйшемъ принятіи докладной записки и о соизволеніи Государя на испрашиваемую ссуду на постройку каменнаго зданія для Неплюевскаго училища, между прочимъ, писалъ: «*По необходимомъ исправленіи сказаннаго деревяннаго дома 2 января текущаго года (1825) по-*

слѣдовало въ немъ открытіе военнаго училища, въ которое принято воспитанниковъ 14 и пансіонеровъ трое.

Тоже подтверждаетъ и журналъ комитета г.г. министровъ отъ 8 и 30 іюня 1826 года, гдѣ говорится: «*Неплюевское военное училище, открытое въ прошломъ году въ г. Оренбургѣ, помѣщается въ деревянномъ домѣ, для сего училища назначенномъ, которое пришло въ ветхость*»...

Кому принадлежалъ этотъ ветхій домъ,— съ точностію неизвѣстно. Судя по тому, что дѣло, изъ которыхъ мы почерпнули свѣдѣніе о докладной запискѣ П. К. Эссена и о времени открытія училища,—носитъ названіе: «О построеніи для Неплюевскаго военнаго учплища каменнаго зданія и при ономъ флигелей, службъ и о покупкѣ деревяннаго дома у сотника Холмскаго». Нач. 29 авг. 1824 г. Рѣшено 28 февр. 1828 г. на 39 листахъ», можно предположить, что домъ этотъ принадлежалъ оренбург. каз. войска сотнику Холмскому.

Гдѣ находился этотъ первоначально скромный памятникъ Неплюеву и свидѣтель столь важнаго событія въ Оренбургскомъ краѣ—открытія въ немъ Неплюевскаго училища,—оффиціальные источники не указываютъ. По словамъ старожила Неплюевца, выпуска изъ Неплюевск. училища 1838 года, нынѣ благополучно здравствующаго д. с. с. Николая Михайловича Бекчурина, домъ этотъ не иначе находился какъ на мѣстѣ нынѣшней женской прогимназіи, (*) такъ какъ опъ

(*) На Неплюевской улицѣ въ Оренбургѣ.

Бекчуринъ, будучи еще ребенкомъ, видѣлъ учащихся мальчиковъ въ ветхомъ домикѣ, стоявшемъ невдалекѣ отъ построеннаго потомъ каменнаго зданія для Неплюевскаго училища (на томъ же фундаментѣ стоитъ нынѣ женская гимназія); несомнѣнно это были первые питомцы Неплюевскаго училища.

Когда были переведены эти питомцы училища въ новое каменное зданіе, гдѣ впослѣдствіи помѣщался 1-й эскадронъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса, преобразованный изъ Европейскаго отдѣленія, бывшаго военнаго училища, въ дѣлахъ архива свѣдѣній намъ не попалось. Изъ дѣлъ извѣстно только, что 24 авг. 1826 г разрѣшено было отпустить первые 10000 р. на постройку каменнаго зданія и были утверждены подписью и печатью шнуровыя книги для расхода денегъ.

Дѣлами Неплюевскаго училища назначенъ былъ завѣдывать особый комитетъ училища, подъ предсѣдательствомъ перваго директора корпуса инженеръ-полковника Григорія Ѳедоровича *Генсъ*, впослѣдствіи по предложеніи В. А. Перовскаго, принявшаго должность предсѣдателя оренбургской пограничной коммиссіи, въ вѣдѣніи которой и должно было находиться училище.

Приводимъ въ заключеніе краткій хронологическій перечень тѣхъ измѣненій, какимъ подвергалось Неплюевское училище съ основанія до настоящаго времени, а также списокъ директоровъ, управлявшихъ этимъ учебнымъ заведеніемъ.

Неплюевское военное училище, подъ этимъ названіемъ существовало до 1844 г., когда было пере-

именовано при Николаѣ I въ Оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ; въ 1867 году, при Императорѣ Александрѣ II, корпусъ былъ перестроенъ въ IV-е военное училище и оренбургскую Неплюевскую военную гимназію, а въ 1881 г., при Императорѣ Александрѣ III гимназія обращена вновь въ Неплюевскій кадетскій корпусъ [1]).

Первымъ директоромъ Неплюевскаго училища былъ инженеръ полковникъ, впослѣдствіи генералъ-маіоръ Григорій Ѳедоровичъ *Генсъ* [2]), управлялъ съ 1824 по 1832 г., съ 1832—1833 управлялъ инженеръ полковникъ Константинъ Демьяновичъ *Артюховъ* [3]), съ 1833—1848 г. полковникъ Илларіонъ Михайловичъ *Марковъ* [4]), съ 1848 по 1862 г.—полковникъ (впосл. генералъ-маіоръ) Михаилъ Сергѣевичъ *Шиловъ* [5]), съ 1862—1865 г. исполн. должность директора полковникъ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ) Петръ Логиновичъ *Энгельке* [6]); съ 1865—1876 г. генералъ-

---

[1]) Свѣдѣнія эти начертаны на стѣнахъ у входа въ церковь того же корпуса.

[2]) *Г. Ѳ. Генсъ* скончался въ г. Оренбургѣ 10 мая 1845 г., состоя за штатомъ. Погребенъ по лютеранскому обряду на оренб. городск. кладбищѣ.

[3]) *К. Д. Артюховъ* скончался 16 дек, 1841 г. Погребенъ тамъ же. На памятникѣ начертано: Подъ камнемъ симъ покоится тѣло раба Божія инженеръ-полковника Артюхова. Скон. 16 дек. 1841 г. «Господи Боже мой! На тя уповахъ, спаси мя! (Псал. 7 ст. 2).

(Свѣдѣнія о директорахъ корпуса добыты нами отъ старожиловъ, а памятники осмотрѣны лично авторомъ).

[4]) И. М. Марковъ скончался отъ холеры, свирѣпствовавшей въ Оренбургѣ въ 1848 г. Погребенъ тамъ же, около кладбищенской церкви. На памятникѣ надпись: «Здѣсь погребено тѣло полковника Ил. Мих. Маркова. Скончался въ 1848 г

[5]) М. С. Шиловъ скончался въ 1889 г. въ Петербургѣ.

[6]) П. Л. Энгельке скончался 14 авг. 1888 г. въ Оренбургѣ. Погребенъ на городск. кладбищѣ.

маіоръ Павелъ Васильевичъ *Домерщиковъ*[1]) и съ 1876 года управляетъ полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Ѳеофилъ Матвѣевичъ *Самоцвѣтъ*.

Заключеніе.

Обрисовавъ, насколько позволяли намъ добытые историческіе матеріалы архива, упраздненнаго оренбург. генералъ-губернаторскаго управленія и другія историческія данныя, начальный періодъ исторіи Неплюевскаго кадетскаго корпуса, мы еще разъ высказываемъ наше убѣжденіе, что корпусъ этотъ, своимъ появленіемъ въ Оренбургскомъ краѣ, всецѣло обязанъ просвѣщенной дѣятельности князя Григорія Семеновича Волконскаго и горячему участію почитателей Ив. Ив. Неплюева, которые внесли, по предложенію Волконскаго, свои щедрыя пожертвованія на сооруженіе поистинѣ достойнаго помятника Неплюеву—Неплюевскаго училища, а нынѣ Неплюевскаго кадетскаго корпуса. Высокій идеалъ христіанина и вѣрноподданнаго слуги престола и отечества, который начерталъ Неплюевъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ сыну Николаю, долженъ быть запечатлѣнъ въ сердцѣ каждаго питомца этого заведенія — «Сохраняй св. вѣру - писалъ онъ сыну въ октябрѣ 1773 г.[2]), недѣли за двѣ до своей кончины, — соблюдай правду во всѣхъ твоихъ дѣлахъ

---

[1]) П. В. Домерщиковъ скончался 5 мая 1891 г. въ Петербургѣ.

[2]) См. Историческій очеркъ В. Н. Витевскаго, «Ив. Ив. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества и устроитель Оренбургскаго края». Казань. 1891 г. стр. 204—205.

и поступкахъ, хотя бы иногда и непріятное что тебѣ за то понести случилось; вѣдай, что Богъ и Ея Величество правды твоея будутъ покровители.

Люби свое отечество и въ зищищеніе того пользы, не щади не только благосостоянія, но и жизни.

Подчиненнымъ твоимъ будь больше отецъ нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе: «милости хощу, а не жертвы»... Недаромъ же князь Волконскій такъ благоговѣйно чтилъ память Неплюева и стремился, учрежденіемъ Неплюевскаго училища, не только сохранить о немъ память въ сердцахъ «грубыхъ, но благодарныхъ народахъ Оренбургскаго края», но и воспитать молодое поколѣніе въ завѣтахъ основателя Оренбургскаго края—Неплюева. Было бы весьма желательно, чтобы имена Александра I, Неплюева, Волконскаго и жертвователей ежегодно были поминаемы въ день 2 января въ церкви корпуса: это было бы лучшимъ доказательствомъ благодарной памяти питомцевъ корпуса къ почившимъ дѣятелямъ.

Заканчиваемъ нашъ очеркъ краткою замѣткой о происхожденіи рода князей Волконскихъ [1]).

Родъ князей Волконскихъ ведетъ свое начало отъ св. князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго († 1246 г.), младшій сынъ котораго Юрій получилъ въ удѣлъ Тарусу.

---

[1]) См. Энциклопедическій словарь изд. Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Томъ VII стр. 40—42. Изд. 1892 г. С.-Петербургъ. Составлено въ сокращеніи по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ этомъ словарѣ о князьяхъ Волконскихъ.

Правнуки послѣдняго — Константинъ, Иванъ и Ѳеоръ переселились въ Алексинскій уѣздъ (Тульской губ.), гдѣ пріобрѣли вотчины на берегахъ р. Волкони, отъ имени ея стали именоваться князьями *Волконскими*.

Отъ этихъ правнуковъ князя Юрія и происходятъ три главныя, нынѣ существующія вѣтви этого княжескаго рода.

Князь Григорій Семеновичъ Волконскій, родившійся въ 1742 году, происходилъ изъ второй вѣтви и отецъ его Семенъ Ѳедоровичъ былъ при Петрѣ III. генералъ-аншефомъ.

Изъ рода князей Волконскихъ многіе съ честію служили воеводами и водили побѣдоносныя русскія войска противъ шведовъ и поляковъ. Нѣкоторые служили при Дворѣ стольниками и окольничами. Двое были посланниками — одинъ въ Мадритѣ, а другой въ Константинополѣ, а одинъ — князь Петръ Михайловичъ былъ фельдмаршаломъ и министромъ Императорскаго Двора и сдѣлался родоначальникомъ вѣтви свѣтлѣйшихъ князей Волконскихъ (П. М. Волконскій родился въ 1776 г. — сконч. 1852 г.). Князь Григорій Семеновичъ Волконскій былъ женатъ и имѣлъ 3-хъ сыновей: 1) Николая — родоначальника нынѣшнихъ князей Рѣпниныхъ, 2) Егермейстера Никиту, сынъ котораго и былъ посланникомъ въ Мадритѣ и 3) Сергѣя — декабриста, сосланнаго въ каторгу и которому въ 1856 году возвращены права дворянства.

Сынъ Сергѣя Григорьевича, отъ брака съ воспѣто Некрасовымъ Маріей Николаевной Раевской — Михаил Сергѣевичъ занималъ постъ товарища министра на роднаго пресвѣщенія съ 1882 г. по 1896 годъ.

Конецъ.

С. Н. Севастьяновъ.

НЕУДАВШЕЕСЯ ПОСОЛЬСТВО ВЪ БУХАРУ ПОРУЧИКА ГАВЕРДОВСКАГО ВЪ 1803 ГОДУ.

Сношенія русскихъ съ жителями Средней Азіи начались съ давнихъ поръ и носили первоначально чисто торговый характеръ. Еще до нашествія монголовъ ввозились въ Новгородъ чрезъ страны эти индѣйскіе товары; со времени-же монгольскаго ига сношенія эти увеличились; но въ сущности начали упрочиваться они только при Петрѣ Великомъ, когда правительство наше береть на себя не только инціативу этихъ сношеній, но и изъявляетъ готовность поддерживать ихъ силою оружія. На край среднеазіатскихъ кочевниковъ Петръ I-й смотрѣлъ какъ «на ключъ и врата ко всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ», о богатствѣ которыхъ говорилось такъ много. Неудачная экспедиція князя Бековича-Черкасскаго въ 1717 году была слѣдствіемъ такого взгляда преобразователя Россіи. Съ этого же приблизительно времени начинаетъ выясняться въ сношеніяхъ съ нами и характеръ той политики, которой слѣдуютъ преимущественно хивинцы и ихъ ханы до времени окончательнаго ихъ покоренія въ настоящемъ столѣтіи. Эта политика можетъ быть охарактеризована такъ: присылать возможно чаще въ Россію пословъ съ мишурными подарками, обѣщать на словахъ и

бумагѣ полную Россіи преданность и вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣясь на недоступность своей страны и терпѣніе русскихъ, грабить караваны могущественнаго сосѣда, захватывать въ плѣнъ подданныхъ русскаго Царя, волновать сопредѣльныхъ съ русскими киргизъ и, притихнувъ на нѣкоторое время при угрозѣ, потомъ вновь начать тѣже обманы, грабежи и убійства. Доказательствъ этому не мало, приведемъ изъ множества одно. Такъ въ 1700 году самъ хивинскій ханъ просилъ Петра Великаго о принятіи Хивы въ подданство Россіи, но не далѣе какъ чрезъ семнадцать лѣтъ въ той-же Хивѣ съ головы Бековича-Черкасскаго содрана была кожа, набита сѣномъ и послана къ бухарскому эмиру, какъ знакъ побѣды, а русскіе солдаты отряда князя или перебиты или обращены въ рабство.

Въ 1803 году было отправлено изъ Орской крѣпости посольство въ болѣе дружественную намъ Бухару подъ начальствомъ поручика свиты Его Величества по квартирмейстерской части Якова Гавердовскаго. Экспедиція эта преслѣдовала вовсе не воинственныя, а скорѣе коммерческія цѣли, имѣвшія прямое отношеніе только къ Бухарѣ, знакомство съ которой поддерживалось съ давнихъ поръ. какъ съ важнымъ потребителемъ русскихъ произведеній и проводникомъ нашихъ товаровъ въ заманчивую Индію и Авганистанъ. Въ свою очередь и бухарцы предпочитали мирныя сношенія съ русскимъ народомъ всякимъ другимъ, а несоприкосновеніе ея съ границами Россіи не давало и поводовъ къ пограничнымъ спорамъ

и разбоямъ, какими безпокоила насъ Хива. Положимъ и бухарцы не могли окончательно отрѣшиться отъ азіатскихъ хищническихъ привычекъ и изъ вторыхъ и третьихъ рукъ перекупали русскихъ плѣнниковъ, а правительство ихъ брало лишнюю пошлину съ русскихъ купцовъ; но всѣ эти обстоятельства не обостряли отношеній нашихъ съ ними.

По мѣрѣ распространенія русской власти къ юго востоку отъ Урала, сношенія съ Бухарою принимали болѣе серьезное значеніе и являлось желаніе, вызванное конечно, не однимъ только любопытствомъ, подробнѣе и точнѣе изучить бухарское ханство, почему еще съ прошлаго столѣтія началась частая посылка въ Бухару нашихъ чиновниковъ и миссій. Къ такимъ миссіямъ принадлежало и посольство въ Бухару поручика Гавердовскаго.

Необходимость этого посольства вызывалась собственно, какъ это видно изъ архивныхъ дѣлъ того времени, слѣдующими соображеніями.

Цолнеръ Троицкой пограничной таможни Чепаловъ донесъ министру коммерціи графу Румянцеву о бѣжавшемъ въ Бухарію тептярѣ Валитѣ Халитовѣ, который будто бы производилъ въ странѣ этой «публичное дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій». Эти вѣсти цолнеръ Чепаловъ получилъ отъ торгующаго въ Бухарѣ казанскаго татарина Ибрагима Смайлова, который по порученію Чепалова, какъ гласитъ дѣло, «сдѣлалъ

даже нѣкоторый подвигъ о выдачѣ сего преступника, но безъ успѣха»*).

Считая такое извѣстіе весьма важнымъ, русское правительство рѣшило послать въ Бухару «парочнаго чиновника», и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей письмомъ отъ 27 ноября 1802 года увѣдомилъ оренбургскаго губернатора Н. Н. Бахметева, что такимъ чиновникомъ назначенъ свиты Его Величества поручикъ Яковъ Гавердовскій, который и долженъ предъявить бухарскому правительству требованіе о выдачѣ преступника Халитова. Извѣщая въ заключеніе, что Гавердовскій снабженъ по Высочайшему повелѣнію особой инструкціей, графъ Кочубей проситъ губернатора дать поручику всѣ способы къ успѣшному совершенію предпринимаемаго имъ путешествія снабдивъ его переводчиками, охраной и преподавъ ему всѣ необходимыя для достиженія цѣли свѣдѣнія и средства. Влѣдъ за письмомъ графа Кочубея и министръ коммерціи графъ Румянцевъ извѣстилъ Оренбургскаго губернатора, что Государю Императору угодно было отправить съ грамотою и подарками къ бухарскому хану поручика Гавердовскаго, сопровождаемаго надворнымъ совѣтникомъ докторомъ Большимъ, колонновожатыми поручиками Ивановымъ и Богдановичемъ и татариномъ Ибрагимомъ Смайловымъ; вмѣстѣ съ этимъ

---

2) Въ письмѣ-же къ бухарскому сановнику Ходжи-Халенъ Гавердовскій о цѣли посольства писалъ: «утвердить тѣснѣе миръ и обоюдное народамъ доставить спокойствіе, успокоить можно болѣе торговлю и купеческимъ караванамъ сдѣлать безмятежный чрезъ степь киргизскую проходъ, дабы торговлю россійскую и бухарскую привесть на высшую степень и въ цвѣтущее состояніе

графъ просилъ губернатора «въ семъ дѣлѣ, угодномъ Его Величеству, не оставитъ сдѣлать неукоснительное распоряженіе».

Въ концѣ февраля 1803 года въ Оренбургъ прибылъ самъ поручикъ Гавердовскій съ докторомъ Большимъ и вышеназванными офицерами и немедленно представилъ въ пограничную коммиссію «объясненіе о средствахъ къ отправленію его въ Бухару», согласно высочайше данной ему инструкціи.

Какова была эта инструкція въ цѣломъ, въ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ тому указаній, а въ вышеназванномъ «объясненіи» можно встрѣтить только изъ нея выдержки, согласно которыхъ поручикъ Гавардовскій настаивалъ на необходимости присоединить къ нему на пути купеческій караванъ, а также просилъ о заблаговременной заготовкѣ нужнаго количества верблюдовъ и лошадей и выставкѣ знающихъ степь киргизъ; при этомъ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ совѣтывалъ оставить въ Оренбургѣ въ качествѣ аманатовъ. Сверхъ этого испрашивалъ у пограничной коммиссіи свѣдѣнія, какіе роды киргизъ кочуютъ по дорогамъ изъ Орска въ Бухару и кого изъ нихъ слѣдуетъ опасаться; вмѣстѣ съ этимъ, въ видахъ безопасности, Гавердовскій считалъ нужнымъ дать знать о его предстоящемъ путешествіи всѣмъ султанамъ и старшинамъ, требуя отъ нихъ именемъ Государя и обѣщая подарки, охраны его со спутниками отъ могущихъ произойти въ пути нападеній. Напомнивъ пограничной коммиссіи, что всѣ распоряженія о средствахъ, припасахъ для предсто-

ящей экспедиціи, а также охраненіе и порядокъ ея слѣдованія всецѣло зависитъ отъ коммиссіи, какъ компетентнаго въ семъ дѣлѣ учрежденія, Гавердовскій настаиваетъ на необходимости имѣть при посольствѣ переводчиковъ, писаря, а для услугъ и этикета 15 казаковъ и тептярей, знакомыхъ съ азіатскими нарѣчіями, вооруженныхъ, знающихъ какое либо мастерство.

Въ силу всѣхъ этихъ настойчиво выраженныхъ просьбъ предсѣдатель пограничной коммиссіи генералъ-маіоръ Борщовъ рапортомъ отъ 14 марта 1803 г. на имя оренбургскаго губернатора доносилъ, что пограничная коммиссія проситъ утвержденія губернатора на прикомандированіе къ Гавердовскому просимыхъ имъ людей и разрѣшенія на одаренія киргизскихъ знатныхъ людей подарками.

Медлительность пограничной коммиссіи заставила Гавердовскаго вторично обратиться съ «объясненіемъ» уже къ самому губернатору съ новыми соображеніями, «дабы тѣмъ совершеннѣе достигнуть предположенной цѣли».

«По важности возложеннаго на меня порученія и по много-различнымъ его отношеніямъ», писалъ онъ: «и малое неустройство можетъ сдѣлать въ слѣдованіи «затрудненіе, безпорядокъ и неисполненіе, что впо-«слѣдствіи могло-бы отнестись на мою безпечность».

Далѣе жалуясь губернатору на медлительность пограничной коммиссіи, «у которой не предвидѣлось и начала дѣла,» Гавердовскій доносилъ, что «до сего не сдѣлано еще и назначенное коммиссіей отправле-

«ніе въ степь для вызова къ препровожденію меня и «каравана нужныхъ киргизцевъ. Султанъ Джантырь, «избранный коммиссіей главнымъ въ посылкѣ сей ру- «ководителемъ, отправленъ будучи для посредства въ «разобраніи баранты между жителями Красногорской «крѣпости и киргизцами на четыре только дня, пре- «бываетъ тамъ уже десять и слышно, будто бы от- «правился въ степь самъ съ линейными казаками за «барантою».

Сообщая о всемъ этомъ, Гавердовскій просилъ губернатора сдѣлать надлежащее предписаніе пограничной коммиссіи, «дабы побудить ее къ дѣятельности» и доносилъ, что купечество соглашается отправить съ нимъ въ Бухару караванъ «на знаменитую сумму», чему уже положено и начало.

Опираясь на подлинный текстъ Высочайше конфирмованной инструкціи, онъ настойчиво требуетъ скорѣйшаго назначенія такого переводчика, который былъ бы хорошо знакомъ съ персидскимъ и бухарскимъ языкомъ. «Онъ мнѣ нуженъ», говоритъ поручикъ, для переписокъ съ лежащими за Бухаріей владѣніями и для предполагаемой поѣздки въ Кабулъ. Въ заключеніе Гавердовскій просилъ о назначеніи къ нему не 15, а 25 казаковъ и тептярей, съ выдачею имъ въ Оренбургѣ еще на содержаніе средствъ на все время пребыванія въ Бухарѣ въ теченіи, быть можетъ, не менѣе двухъ лѣтъ. Для наблюденія за этой командой онъ испрашивалъ назначенія «благородно мыслящаго честнаго офицера изъ казаковъ».

Вскорѣ послѣдовало назначеніе къ Гавердовскому въ качествѣ переводчика пакгаузнаго смотрителя оренбургской таможни губернскаго секретаря Мурсалима Бекчурина.

Побуждаемый настойчивыми требованіями Гавердовскаго съ одной и письмами графовъ Кочубея и Румянцева, съ другой стороны, оренбургскій губернаторъ Бахметевъ дѣлалъ своевременно всѣ зависящія отъ него распоряженія пограничной коммиссіи. 29-го марта губернаторъ доносилъ графу Кочубею о сформированіи купеческаго каравана и испрашивалъ 8000 руб., необходимыхъ для довольствія команды Гавердовскаго, «такъ какъ съ пограничной суммы столь знатное количество денегъ выдать не осмѣливается безъ особливаго на то предписанія». Означенную сумму губернаторъ просилъ разрѣшить возможно скорѣе, чтобъ имѣть возможность своевременно снабдить экспедицію всѣмъ нужнымъ, «тѣмъ паче, что казачье войско служитъ на линіи на своемъ содержаніи да и законы повелѣваютъ давать имъ казенное содержаніе, ежели они далѣе 300 верстъ отъ домовъ ихъ отправляются».

Предположеніе Гавердовскаго о выступленіи въ походъ по веснѣ не осуществилось: наступилъ уже и май мѣсяцъ, а ни команды, ни средствъ и ничего прочаго ему не давали. Только 2-го мая изъ письма графа Румянцева стало извѣстно, что испрашиваемые губернаторомъ Бахметевымъ для посольства 8000 р. отпущены изъ государственной коллегіи, но съ тѣмъ однако, чтобъ сумма эта была возвращена купече-

ствомъ, принявшимъ участіе въ караванѣ. 18-го мая 8000 руб. были получены пограничной коммиссіей и губернаторомъ предписано было коммиссіи сдѣлать разверстку этихъ денегъ на суммы отправляемыхъ въ караванѣ товаровъ и о немедленномъ взысканіи ихъ съ купцовъ Донося объ этомъ графу Румянцеву, Бахметевъ увѣрялъ, что отъѣздъ Гавердовскаго изъ Оренбурга послѣдуетъ не болѣе какъ черезъ шесть дней.

Между тѣмъ, оренбургскій губернаторъ долженъ былъ выѣхать для осмотра ввѣренной ему инспекціи, почему и предложилъ пограничной коммиссіи принять дѣятельнѣйшія мѣры къ отправленію посольства въ самоскорѣйшемъ времени, такъ какъ конвой ему уже наряженъ. «Всякое промедленіе сверхъ недѣли останется на отчетѣ коммиссіи», предупреждалъ губернаторъ...

Однако прошелъ май, наступилъ и также прошелъ іюнь мѣсяцъ, а посольство все еще не имѣло возможности выбраться изъ Оренбурга.

Въ архивныхъ дѣлахъ не сохранилось документовъ, указывающихъ на время выступленія Гавердовскаго изъ Оренбурга, и только судя по датамъ «объясненій», съ какими обращались принявшіе участіе въ торговомъ караванѣ купцы въ Оренбургскую пограничную таможню о разрѣшеніи выпустить заграницу товары, можно заключить, что только въ двадцатыхъ числахъ іюля могло двинуться изъ Оренбурга злополучное посольство, въ составѣ всего сорока трехъ человѣкъ, въ числѣ коихъ было 15 казаковъ во главѣ съ сотникомъ Шубинымъ, 9 тептярей 1 и 2-го тептяр-

скихъ полковъ при 3 хорунжихъ, есаулъ Каримовъ съ казакомъ, докторъ Большой, поручики Богдановичъ и Ивановъ. Кромѣ того, при экспедиціи находились бухарскій чиновникъ Миръ-Мухаметъ Аминовъ съ братомъ, коллеж. асс. Биктяшевъ, регистр. Андрюковъ, переводчикъ Бекчуринъ съ сыномъ копіистомъ Бекчуринымъ, персидскій переводчикъ Ибрагимовъ, мулла Файзуллинъ и состоящій непосредственно при самомъ Гавердовскомъ казанскій татаринъ Ибрагимъ Смайловъ, тотъ самый, по донесенію котораго изъ Бухары и сознана была необходимость настоящаго посольства.

При посольствѣ послѣдовалъ торговый караванъ, о составѣ котораго въ архивныхъ документахъ имѣются подробныя свѣдѣнія. Изъ нихъ видно, что онъ былъ весьма богатъ и что участвовали въ немъ первогильдейные купцы, именно: Ростовскіе—Сава Кайдаловъ и Мясниковъ, Мамадышскій—Абдулла Утямышевъ, Казанскіе—Муса Мунасыповъ и Баязитовъ, коммерціи совѣтникъ Корелинъ и Вологодскій купецъ Шапошниковъ. Фирмы эти командировали въ Бухару надежныхъ прикащиковъ и работниковъ.

Изъ объясненій, представленныхъ въ пограничную таможню, можно видѣть какіе товары составляли въ то время предметъ торговли съ Бухаріей. То были: сукна, бархатъ, плисъ, атласъ, ситецъ, тафта, шелковые платки, парча, мишура, штофъ, саржа, холстъ, кожи и мѣха разныхъ сортовъ, чай, сахаръ, сассапарель, гвоздика, ножи, бритвы, гребни, иголки, серьги, стекляные пронизи, бисеръ, жемчугъ, драгоцѣнныя каменья. Весьма важный предметъ нашего вывоза со-

ставляли «корольки» (кораллы), которыхъ въ караванѣ было на сумму 12,500 руб.

Но главныя богатства каравана заключались въ червонцахъ. Такъ, купецъ Утямышевъ отправлялъ ихъ на сумму 134,124 рубля и товару на 9785 руб. 60 коп., Мунасыповъ рвапцевъ на 42044 рубля и товару 2995 руб 40 коп, Бязитовъ червонцевъ на 22960 руб. и товару на 5886 рублей, Кайдаловъ червонцевъ на 12000 руб. и товару на 3449 руб. 37 коп., Корелинъ червонцевъ на 13500 руб. и товару на 8361 рубль 80 коп., Мясниковъ червонцевъ на 600 рублей и товару на 5736 рублей 85 коп. и наконецъ купецъ Шапошниковъ отправлялъ червонцевъ на 5400 рублей.

Купеческій караванъ представлялъ такимъ образомъ весьма солидную цѣнность въ 296.843 рубля, разложенную на трехстахъ верблюдахъ. Понятно, что такое богатство могло возбудить разбойничьи аппетиты въ высшей степени. Высланные же заблаговременно въ степь киргизы только способствовали широкому распространенію вѣстей о несмѣтныхъ богатствахъ, слѣдующихъ въ Бухарію съ поручикомъ Гавердовскимъ. Сказки объ этихъ сокровищахъ, думается намъ, и воспламенили главнымъ образомъ хивинцевъ и киргизъ до того, что, игнорируя неприкосновенность Гавердовскаго, какъ посла могущественнаго Бѣлаго Царя, они думали только о похищеніи этихъ сокровищъ.

Когда тронулся караванъ изъ Оренбурга, какъ онъ шелъ къ Орску, когда вступилъ въ него и вышелъ

изъ него въ открытую степь, указаній въ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ, но безъ большой ошибки можно предположить, что послѣднее произошло въ первыхъ числахъ августа, такъ какъ 30 августа Гавердовскій вступилъ уже съ караваномъ въ пески Каракумъ.

Передъ выступленіемъ изъ Орска въ степь, Гавердовскій счелъ нужнымъ еще разъ обратиться письменно къ біямъ, старшинамъ и владѣтелямъ разныхъ киргизскихъ родовъ съ просьбами не препятствовать ему на пути и гдѣ можно оберегать и охранять слѣдующее съ нимъ посольство и караванъ. Между этими письмами было одно къ ограбившему впослѣдствіи караванъ владѣтелю Чиклинскаго рода киргизъ, Аблазы Султану, братъ котораго Ширгазы, будучи въ Оренбургѣ, вызвался сопровождать Гавердовскаго до самой Бухары, но въ степи подъ разными предлогами отсталъ и присталъ вновь къ Гавердовскому только по разграбленіи. Однако, не смотря на принятыя мѣры предосторожности, изъ степи приносились неутѣшительныя вѣсти. Посланные съ письмомъ къ Аблазы Султану не достигли цѣли, такъ какъ услышали, что близъ рѣки Сыръ-Дарьи сосредоточилось большое скопище киргизъ, рѣшившихъ, якобы, разграбить караваны и не пропускать русскихъ за Сыръ-Дарью.

Хотя встрѣтившійся на пути бухарскій караванъ и опровергалъ подобныя свѣдѣнія, обнадеживая въ безопасности пути, тѣмъ не менѣе Гавердовскій послалъ на Сыръ-Дарью для точныхъ развѣдокъ нарочныхъ, самъ же съ караваномъ прослѣдовалъ до урочища Карчакумъ. Въ десяти верстахъ отъ Сыръ-Дарьи

и въ 880 верстахъ отъ русской границы 6 сентября на встрѣчу ему выѣхали посланные и увѣдомили, что дѣйствительно управляющій Чиклинскимъ родомъ, самовольно назвавшійся ханомъ, Султанъ Аблазы, во главѣ трехъ тысячъ киргизъ, занявъ всѣ переправы на Сыръ-Дарьѣ, рѣшился не пропускать русскихъ за рѣку, караванъ разграбить, а людей экспедиціи забрать въ плѣнъ.

По полученіи такихъ печальныхъ свѣдѣній Гавердовскій счелъ необходимымъ отступить, чтобъ приблизиться къ ауламъ вѣрныхъ Россіи киргизъ. Свита шла днемъ и ночью со всѣми мѣрами предосторожности, тѣмъ не менѣе утромъ 9-го сентября у урочища Ходжа-Бергень они были настигнуты степными разбойниками въ числѣ около тысячи человѣкъ. Пуская стрѣлы, съ пальбой изъ ружей, съ гикомъ обрушилась эта масса киргизъ на миніатюрный русскій отрядъ. Произошла одна изъ тѣхъ характерныхъ степныхъ трагедій, какія неоднократно повторялись потомъ при борьбѣ небольшихъ частей русскаго войска съ многочисленными скопищами азіатовъ, какъ то было, напримѣръ, при Иканѣ и Чаграѣ. Но только героевъ Икана покрыла исторія неувядаемой славой; всѣ же прочіе бойцы ничего кромѣ забвенья не стяжали!...

Гавердовскій немедленно остановилъ караваны, спѣшилъ людей, разовьючилъ тѣхъ верблюдовъ, которые особенно тяжело были навьючены. Отрядецъ принялъ оборонительное положеніе.

Нѣкоторые изъ сопровождавшихъ караванъ киргизъ сначала помогали русскимъ, но потомъ перешли на сторону разбойниковъ. Чиклинцы аттаковали въ конномъ строю; но не видя успѣха такой аттаки, бросились потомъ пѣшими на ту часть каравана, гдѣ были верблюды, въ намѣреніи отрѣзать ихъ отъ команды. И въ то самое время, когда впереди верблюдовъ горсть казаковъ съ сотникомъ Шубинымъ во главѣ отчаянно защищалась, верблюдо вожатые вдругъ подняли верблюловъ к лошадей и перешли съ ними на сторону чиклинцевъ; всѣ бывшіе на нихъ тюки тотчасъ же сдѣлались добычею злодѣевъ, а въ этихъ тюкахъ хранился денежный ящикъ Гавердовскаго и большая часть купеческихъ червонцевъ. Добыча была заманчива и такъ разожгла алчность разбойниковъ, что они тотчасъ же принялись за ея дѣлежъ. Между тѣмъ, изъ оставшихся тюковъ казаки соорудили городокъ. Гавердовскій повѣрилъ количество своихъ людей и замѣтилъ, что часть сопровождавшихъ караванъ купцовъ и ихъ приказчиковъ исчезли. Оказалось, что, будучи одѣты по киргизски, они еще въ началѣ нападенія чиклинцевъ скрылись, руководимые вѣрными киргизами, при чѣмъ успѣли захватить на двухъ верблюдахъ легкіе товары, главнымъ образомъ въ червонцахъ и королькахъ.

Наступила между тѣмъ ночь. Чиклинцы не выказывали желанія вторичнаго нападенія, хотя количество ихъ увеличивалось и дошло до трехъ тысячъ человѣкъ.

Положеніе маленькаго русскаго отряда становилось

критическимъ: вода была выпита, солнце жгло, жажда томила людей. На сторонѣ врага, расположившагося на мѣстахъ болѣе низкихъ, воды было достаточно, у русскихъ же, занявшихъ позицію на вершинѣ холма, ея не было не капли. Однако жажда заставляла казаковъ на мѣстѣ, гдѣ они расположились, рыть колодезь; рыли они его весь вечеръ и ночь до разсвѣта, но жизненная влага не показывалась. На глубинѣ девяти аршинъ песокъ былъ такъ же сухъ, какъ и на поверхности. Чиклинцы не дѣлали уже нападеній, видимо желая взять этихъ героевъ изморомъ. Отрядъ начиналъ переживать ужасные часы. Измученные жаждой люди томились и просили пить во что бы то ни стало. Киргизы этого только, кажется, и ждали. Но боясь потерь отъ ружейнаго мѣткаго огня казаковъ, они задумали достигнуть каравана хитростью, а именно надѣлавъ изъ растущаго вокругъ прутьняку нѣчто въ родѣ туровъ въ человѣческій ростъ, они спѣшившись, начали подходить подъ ихъ защитою къ отряду.

Между тѣмъ, оставшіеся при караванѣ купцы понуждали Гавердовскаго къ уступкамъ. Эти просьбы, а болѣе всего видъ истомившихся людей поколебали поручика. Начались переговоры съ киргизами и согласно ихъ Гавердовскій обязался заплатить за каждаго убитаго Чиклинца по тысячѣ червонцевъ, а за раненныхъ дать подарки. Рѣшаясь на это поручикъ полагалъ, что съ потерею такимъ образомъ половины имущества онъ спасетъ другую половину, почему съ общаго согласія роздалъ киргизамъ часть сохранив-

шихся купеческихъ червонцевъ и товаровъ. Разбойники пользовались всѣми способами для собственнаго обогащенія и такъ какъ люди Гавердовскаго просили воды, то они продавали соленую затхлую воду получая за небольшую мѣрку два червонца. Безнадежное состояніе отряда понудило Чиклинцевъ къ рѣшительному намѣренію забрать въ плѣнъ всѣхъ русскихъ. Шесть разъ приступали они къ городку съ этой цѣлью и каждый разъ были отбиты ружейнымъ огнемъ.

Наконецъ, отрядъ изнемогъ. Увидя это, Гавердовскій объявилъ злодѣямъ, что оставляетъ караванъ въ ихъ распоряженіи, но что готовъ скорѣе умереть, чѣмъ отдаться имъ въ плѣнъ. И вотъ, сбросивъ съ себя даже верхнее платье, чтобъ не возбуждать къ себѣ жадности врага, наполнивъ карманы патронами, съ оружіемъ въ рукахъ, съ рѣшительностью умереть при первомъ нападеніи врага, отрядъ началъ геройское свое отступленіе...

Гавердовскій бросилъ въ добычу злодѣямъ все: дѣла, замѣтки, карты, планы, инструменты, подарки, товаръ и думалъ только о сохраненіи на груди своей Высочайшей грамоты и писемъ министра къ бухарскимъ сановникамъ. Богатѣйшая, почти въ двѣсти тысячъ рублей, добыча, прельстила разбойниковъ на столько, что въ первое время они всецѣло предавались ей; но потомъ однако часть ихъ бросилась преслѣдовать русскихъ и захватила въ плѣнъ безоружнаго доктора Большаго, деньщика Васильева и татарскаго мальчика Халима Искакова.

Въ трехъ верстахъ отъ брошеннаго каравана Гавердовскій наткнулся на киргизъ, которые объявили, что высланы ему на помощь и предложили командѣ своихъ лишнихъ верблюдовъ и лошадей.

Усталые люди съ радостью бросились къ этимъ животнымъ, а чтобъ облегчиться, отдали этимъ киргизамъ оружіе. Но Гавердовскій тотчасъ же замѣтилъ коварство этихъ кочевниковъ, намѣревавшихся, посадивъ русскихъ на лошадей и верблюдовъ, развести ихъ порознь по степи. Поэтому, сойдя съ лошади, онъ приказалъ всѣмъ немедленно сдѣлать тоже и обороняться.

Наступившая темная ночь и выстрѣлы помѣшали киргизамъ; они отступили, успѣвъ однако захватить съ собою шесть человѣкъ изъ числа отдавшихъ имъ оружіе.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня команда пришла въ аулъ Муссерябъ, гдѣ принята была также недружелюбно, и только обѣщаніемъ заплатить потомъ деньги вымолилъ Гавердовскій себѣ здѣсь свободу. Между прочимъ, тутъ онъ сдѣлалъ попытку узнать, что сталось съ покинутымъ караваномъ и нельзя ли возвратить захваченныхъ у него людей, за что обѣщалъ также вознагражденіе. Двѣнадцатаго сентября къ нему привели плѣненныхъ шесть человѣкъ. Къ счастью оказалось, что у бывшихъ съ нимъ купцовъ сохранились червонцы, которыхъ и уплачено было при этомъ четыреста. А о докторѣ и другихъ забранныхъ съ нимъ въ плѣнъ людяхъ не было даже и слуха.

Четырнадцатаго сентября съ трудомъ удалось на-

конецъ Гавердовскому выбраться изъ аула Муссерябъ, гдѣ задерживали его съ людьми въ надеждѣ распродать ихъ въ рабство и не допустить до родины, чтобъ не было тамъ объ этомъ происшествіи ровно никакихъ слуховъ.

Только благодаря небольшой части вѣрныхъ киргизъ выбрался отсюда Гавердовскій и пѣшкомъ въ тотъ же день пришелъ съ командою въ аулъ преданнаго русскимъ старшины Китабай-бія. Здѣсь на занятые у купцовъ червонцы было куплено имъ нѣсколько лошадей и верблюдовъ, и верхняго платья, за что заплачено было втрое дороже обыкновеннаго.

Едва только 15 сентября караванъ собрался въ путь, какъ и здѣсь набѣжали злодѣи, требуя за выѣздъ денегъ. Чтобъ избѣжать бѣды, купцы, которыхъ уже успѣлъ настичь Гавердовскій, согласились заплатить имъ 800 червонцевъ. Пустою, безжизненною степью, гдѣ не было и признака кочевья, побрели русскіе медленно къ родной границѣ. Обезсиленные, голодные, оставаясь въ теченіи двухъ дней безъ всякой пищи, они ужъ приближались къ этой завѣтной чертѣ, какъ вдругъ верстахъ въ 60 отъ Орска подверглись новому неожиданному нападенію шайки кочевниковъ человѣкъ въ 100, которые полагали было забрать всѣхъ русскихъ безъ сопротивленія, но однако, встрѣтивъ неожиданный отпоръ со стороны этой измученной горсти людей, они отступили.

Наконецъ, 23 сентября къ великой радости команды Гавердовскій вошелъ въ Орскую крѣпость, здѣсь къ нему снова присталъ братъ Аблазы султана Ширгазы.

Чтобъ загладить свое двусмысленное поведеніе, онъ взялся доставить своему брату письмо Гавердовскаго касательно освобожденія изъ плѣна доктора Большаго и прочихъ людей и обѣщался приложить самъ къ тому всѣ старанія. За исключеніемъ плѣненныхъ вышепоименованныхъ лицъ, въ Орскую крѣпость вошли одновременно съ поручикомъ всѣ люди его команды и свита. Раненыхъ было всего 5 человѣкъ, въ числѣ ихъ былъ и братъ бухарскаго посланца. О послѣднемъ Гавердовскій упоминаетъ какъ о замѣчательно храбромъ, прекрасномъ человѣкѣ, который, потерявъ все свое имѣнье и товары (послѣдніе въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ на сумму почти 10,000 руб.), тѣмъ не менѣе бился за одно съ русскими и хотя ему давали всѣ средства спастись, но онъ отвергнулъ ихъ.

По прибытіи въ Орскъ, Гавердовскій явился къ коменданту крѣпости полковнику Петрову и объяснилъ ему все съ нимъ происшедшее. На его просьбы, и ни сходя къ несчастному его положенію, комендантъ выдалъ ему пособіе въ размѣрѣ 250 рублей.

27 сентября Гавердовскій прибылъ въ Оренбургъ. Отсюда онъ послалъ министру графу Воронцову подробное описаніе своихъ злоключеній, съ приложеніемъ вѣдомости объ убыткахъ всѣхъ лицъ каравана и свиты, по которой значилось, что убытку по разграбленіи понесено: червонцами и корольками у свиты и чиновъ команды на 20,726 рублей, у купцовъ на 250,376 руб., спасено же купцами на 127,164 руб. Къ этому же донесенію былъ приложенъ подробный списокъ «усердствовавшимъ киргизамъ» и всѣмъ от-

личившимся въ дѣлѣ съ Чиклинцами и другими злодѣями чинамъ свиты и команды.

Описавъ свое жалостное и бѣдственное положеніе въ пути, Гавердовскій въ заключеніе выясняетъ причины постигшихъ его и караванъ неудачь.

«Вотъ что узналъ я отъ вѣрныхъ мнѣ людей въ степи киргизской, пишетъ онъ: въ скорости по прибытіи моемъ въ Оренбургъ, черезъ Астрахань въ Хиву и даже изъ самого Оренбурга въ Кунгратъ, дано было извѣстіе о моемъ проѣздѣ въ Бухарію. Хива, замѣшанная всегда въ грабежахъ киргизскихъ и подстрекающая ихъ нападать на линію для плѣненія людей, признала сіе мое отправленіе для себя дѣйствительно опаснымъ, почему соглашала трухменцевъ напасть на меня за песками Кызылъ-кумъ, но бухарскій эскортъ, приготовленный для моей встрѣчи, остановилъ трухменцевъ. Напослѣдокъ были собранія у Чиклинцевъ. Сіи, не будучи никогда близъ границъ Россійскихъ, не несли никогда имя подданныхъ, и весь ихъ промыселъ суть грабительство каравановъ и другихъ киргизцевъ. Сіи убѣждены были отъ Хивы подъ видомъ собственнаго ихъ спасенія меня не пропустить. Имъ насказано было, что я имѣю съ собой большое сокровище и будто бы мѣряю землю и дѣлаю наблюденія».

Вмѣстѣ съ этимъ Гавердовскій высказывалъ свои подозрѣнія и на бухарское правительство—не было ли и съ его стороны участія въ грабежѣ, почему просилъ Орскаго коменданта для разъясненія этого узнать содержаніе тѣхъ писемъ, какія многіе бухар-

цы отправляли изъ Орска на родину. Начавшись въ Орскѣ, дѣло разсмотрѣнія этихъ писемъ перешло впослѣдствіи въ Петербургъ къ министру, но ничего особеннаго, что предполагалъ Гавердовскій, въ нихъ найдено не было.

Пострадавшіе въ этомъ дѣлѣ купцы не замедлили обратиться къ правительству съ просьбой о вспоможеніи. Всѣхъ раньше это сдѣлалъ купецъ Кайдаловъ, которому всемилостивѣйше было выдано изъ Государственнаго банка взаемъ съ разсрочкой на 20 лѣтъ 15000 рублей. Прочіе торговцы послѣдовали его примѣру. Тогда министръ коммерціи графъ Румянцевъ письмомъ отъ 24 іюня 1804 года извѣщалъ оренбургскаго губернатора князя Волконскаго, что онъ и министръ финансовъ входили съ представленіемъ по сему поводу предъ Государемъ Императоромъ и что Его Величество высочайше утвердилъ представленную ими записку и далъ на имя министра финансовъ рескриптъ, въ которомъ, всемилостивѣйше снисходя на просьбы означенныхъ купцовъ, призналъ справедливымъ оказать и имъ вспоможеніе, равно чиновникамъ и командѣ, а также бухарскому посланцу въ такихъ суммахъ: купцамъ половину ихъ утратъ т. е. 75,000 руб. заимообразно на 20 лѣтъ, при чемъ чиновниковъ и команду удовлетворить не ранѣе, какъ будутъ провѣрены претензіи торговцевъ. Что же касается до бухарскаго посланца, который въ вознагражденіе убытковъ просилъ дозволенія пропустить чрезъ Астраханскій портъ 15.000 пудовъ стали, то его въ этомъ удовлетворить; занятые же Га-

вердовскимъ у купцовъ по разграбленіи 1672 руб., сверхъ 8000 на спаряженіе команды, по вѣрнымъ доказательствамъ, возвратить.

Согласно письма графа Румянцева Оренбургскій губернаторъ провѣрку правильности убытковъ возложилъ на пограничную коммиссію.

Въ силу этого пограничная коммиссія 2-го сентября 1804 года представила свѣдѣнія, по которымъ значилось, что товару было отправлено въ караванѣ всего на 296,843 рубля, изъ нихъ пошлинъ взыскано 139 рублей, на содержаніе казаковъ по 2% съ рубля удержано 5966 рублей, отъ грабежа спасено на 106,504 рубля. Вся потеря купцовъ, за исключеніемъ купца Кайдалова, уже получившаго вспоможеніе равнялось, 154.800 рублямъ.

Всѣ эти свѣдѣнія Оренбургскій губернаторъ князь Волконскій не замедлилъ отправить къ графу Румянцеву. Но удовлетвореніе просьбъ о помощи послѣдовало только въ 1805 году, при чемъ купцамъ было выдано всего 75,000 рублей, а Гавердовскому съ командой и чиновниками, въ числѣ которыхъ значится и возвращенный изъ плѣна докторъ Большой, 20,432 рубля.

Такимъ образомъ, неудачный исходъ миссіи Гавердовскаго еще разъ подтвердилъ вѣроломную политику Хивы, изувѣрство и безграничное невѣжество которой внушали ея подданнымъ, что уступчивость и долготерпѣніе Россіи проистекаютъ единственно изъ за перевѣса значенія и силы Хивы надъ русскими, почему и въ дальнѣйшихъ съ ними сношеніяхъ хи-

винцы по прежнему не перестаютъ быть надменными и дерзкими, явно переступая всѣ права русской державы. Только этимъ и можно объяснить обстоятельство, что хивинцы самовольно постановили правиломъ, чтобъ торговые наши караваны, въ какія бы мѣста Средней Азіи не отправлялись, непремѣнно слѣдовали-бы окольнымъ путемъ чрезъ самую Хиву, съ цѣлью взиманія здѣсь пошлинъ и подати, произвольно возвышаемой ими до крайнихъ предѣловъ. Поэтому всѣ караваны, уклонявшіеся отъ пути черезъ Хиву, подвергались разграбленію по приказанію хана его войсками, при чемъ ханъ получалъ значительную долю добычи. Въ силу всего вышесказаннаго русское правительство начало изыскивать мѣры къ прекращенію господства Хивы и готовыхъ къ ея услугамъ киргизъ; но всѣ принятые въ теченіи XIX вѣка мѣропріятія до тѣхъ поръ не въ силахъбыли обуздать вѣроломства Хивы, пока наконецъ въ 1873 году генералъ-адъютантъ Кауфманъ не продиктовалъ ей ясно выраженныхъ требованій Россіи во дворѣ ея нынѣшняго владѣтеля Сеидъ-Мухаметъ-Рахимъ-Хана.

В. Водопьяновъ.

БАШКИРСКОЕ ВОЙСКО ВЪ ПОХОДѢ РУССКИХЪ ПРОТИВЪ НАПОЛЕОНА.

Изъ мемуаровъ французскаго генерала Марбо.

Отъ переводчика. Авторъ воспоминаній, изъ которыхъ взяты разсказы о встрѣчѣ Наполеоновской арміи съ башкирами, генералъ, баронъ деМарбо, участвовалъ въ войнѣ 1812—14 гг. въ чинѣ полковника, командуя 23-мъ легкимъ конно-егерскимъ полкомъ. Воспоминанія, составленныя имъ для своихъ дѣтей, опубликованы однимъ изъ его потомковъ въ 1891 г.; написанныя очень живо и интересно, они имѣли такой успѣхъ, что напр. 3-й томъ къ концу 1893 года вышелъ 29-мъ изданіемъ.

Генералъ Марбо, подобно многимъ даровитымъ разсказчикомъ, нерѣдко увлекается и многое преувеличиваетъ; можетъ быть, въ этомъ болѣе всего виноватъ его горячій патріотизмъ, вслѣдствіе котораго онъ слишкомъ усердно выполняетъ пунктъ завѣщанія Наполеона: «пусть полковникъ Марбо продолжаетъ писать *во славу французскаго оружія*» (съ завѣщаніемъ ему 100 тыс. франковъ). На разсказахъ о встрѣчѣ съ башкирами этотъ недостатокъ, впрочемъ, почти незамѣтенъ.

Изложеніе, наиболѣе существеннаго въ трехъ томахъ воспоминаній Марбо, далъ В. Р. Зотовъ въ № 2 «Историческаго Вѣстника» за 1892 г. Въ нихъ эпизоду встрѣчи съ башкирами посвящено 4 строки. Болѣе обширныя выдержки изъ этихъ воспоминаній даны въ №№ 10 и 12 «Русскаго Вѣстника» за 1891 г., но онѣ не идутъ далѣе 1809 г. (т. е. взяты изъ I-го и II-го томовъ). Поэтому приводимые ниже отрывки впервые появляются на русскомъ языкѣ.

I. Первая встрѣча Наполеона съ башкирами.

(Воспоминанія ген. Марбо, т. III, стр. 299—302)

Во время нашего пребыванія на высотахъ у Пильница [1]) непріятель, въ особенности Русскіе, получилъ многочисленныя подкрѣпленія, изъ которыхъ главное подъ начальствомъ Беннигсена, состояло не менѣе, какъ изъ 60 тыс. человѣкъ. Это подкрѣпленіе было приведено изъ-за Москвы и заключало въ себѣ очень большое количество татаръ и башкиръ, вооружонныхъ одними луками и стрѣлами [2]).

Я до сихъ поръ не могу понять, съ какою цѣлью русское правительство привело изъ такой дали и съ большими издержками такое количество иррегулярной конницы, которая, не имѣя ни сабель, ни пикъ, и никакого огнестрѣльнаго оружія, могла только истощать страну и обременять собою остальныя регулярныя войска.

Наши солдаты нисколько не были смущены видомъ этихъ полудикихъ азіатовъ и за ихъ луки и стрѣлы прозвали башкиръ «Амурами».

Эти новички, еще совсѣмъ не знавшіе французовъ, были такъ воодушевлены своими предводителями, что, ожидая обратить насъ въ бѣгство при первой встрѣчѣ,

---

[1]) Нѣмецкій городокъ близъ Лейпцига.

[2]) Это было башкиро-мещерякское войско оренбургской губерніи (въ ея тогдашнемъ объемѣ). Особаго татарскаго войска не было, но въ число башкирскаго войска входили *тептяри*, которые живутъ смѣшанно съ башкирами и считаются татарскаго происхожденія.

въ самый день своего появленія въ виду нашихъ войскъ кинулись на нихъ безчисленными толпами; но, встрѣченные залпами изъ ружей и мушкетовъ, башкиры вынуждены были отступить, оставивъ на мѣстѣ битвы значительное число убитыхъ.

Эти потери, вмѣсто того чтобы охладить ихъ изступленіе, казалось, только его подогрѣли. И, такъ какъ они двигались безъ всякаго построенія и никакая дорога ихъ не затрудняла, то они носились вокругъ нашихъ войскъ, точно рои осъ, прокрадываясь всюду. Настигнуть ихъ было очень трудно, но, когда нашей конницѣ это удавалось, она производила среди нихъ страшную рѣзню, такъ какъ наши сабли и пики имѣли слишкомъ большое преимущество въ бою передъ ихъ стрѣлами. Все-же, такъ какъ аттаки этихъ варваровъ постоянно повторялись и русскіе поддерживали ихъ отрядами гусаровъ, чтобы воспользоваться тѣмъ безпорядкомъ, который башкиры могли произвести въ томъ или другомъ мѣстѣ нашей линіи, то Императоръ приказалъ своимъ генераламъ удвоить бдительность и возможно чаще объѣзжать аванпосты.

Когда мы располагали возвратиться въ Пильницъ, то замѣтили отрядъ башкиръ, числомъ около тысячи, которые скакали на насъ со всею скоростью своихъ маленькихъ лошадей. Императоръ, который никогда еще не видалъ войскъ подобнаго рода, остановился на одномъ холмѣ и приказалъ попробовать захватить въ плѣнъ нѣсколько башкиръ. Я велѣлъ двумъ эскад-

ронамъ моего полка*) спрятаться для этой цѣли за небольшею рощей, въ то время какъ остальной отрядъ продолжалъ движеніе въ другомъ направленіи. Эта хорошо извѣстная военная хитрость никогда не ввела-бы въ заблужденіе казаковъ, но съ башкирами, которые, не имѣютъ понятія о войнѣ, она удалась какъ нельзя лучше: они прошли мимо рощи, не осмотрѣвъ ея предварительно посредствомъ развѣдчиковъ, и продолжали слѣдовать за нашею колонной, какъ вдругъ наши эскадроны, стоявшіе въ засадѣ, атаковали ихъ въ расплохъ; значительное число башкиръ было убито и человѣкъ тридцать взято въ плѣнъ.

Я приказалъ отвести плѣнныхъ показать Императору, который осмотрѣвъ ихъ, выразилъ удивленіе, какъ можно этихъ жалкихъ кавалеристовъ, вооруженныхъ одними луками и стрѣлами, посылать въ бой съ европейскими солдатами, снабженными саблями, пиками, ружьями и пистолетами. Эти башкиры по виду были похожи на китайцевъ и носили очень странный костюмъ. Когда мы вернулись въ лагерь, мои егеря, ради забавы, дали башкирамъ вина; очарованные такимъ неожиданнымъ для нихъ хорошимъ пріемомъ, башкиры всѣ напились до-пьяна и выражали свое удовольствіе такими необыкновенными гримасами и прыжками, что гомерическій хохотъ, въ которомъ принялъ участіе самъ Наполеонъ, овладѣлъ всѣми присутствующими.

*) Авторъ, при движеніи къ Пильницу, командовалъ конвоемъ имп. Наполеона.

II. Участіе башкиръ въ „битвѣ гигантовъ“ *).

(Тамъ же, стр. 321—323).

Варвары съ громкими криками окружили наши эскадроны, пуская въ нихъ тучи своихъ стрѣлъ, которыя, впрочемъ, причиняли намъ очень мало вреда; башкиры пускаютъ свои стрѣлы вверхъ, заставляя ихъ описывать дугу болѣе или менѣе крутую, смотря по тому, насколько удаленъ отъ нихъ непріятель; но при этомъ способѣ стрѣльбы точный прицѣлъ становится невозможнымъ, а потому девять десятыхъ стрѣлъ попадаютъ не туда, куда слѣдуетъ; да и то небольшое число ихъ, которое долетаетъ до непріятеля, обыкновенно наноситъ только легкія раны. А такъ какъ у башкиръ нѣтъ ни какого другаго оружія, то это, безспорно, самое безвредное войско въ мірѣ.

Однако, такъ какъ они летѣли на насъ миріадами и, чѣмъ больше убивали этихъ осъ, тѣмъ больше ихъ прибывало, то огромное количество стрѣлъ, которыми башкиры покрывали воздухъ, по необходимости должно было произвести хотя нѣсколько тяжелыхъ ранъ; такъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ моихъ унтеръ-офицеровъ, Мелэнъ, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, былъ раненъ на вылетъ стрѣлою, которая, вошедши въ грудь, вышла черезъ спину. Я думаю, что это—единственный случай смерти, причиненный башкирскою стрѣлою. Но въ моемъ полку было нѣсколь-

*) Трехдневный бой подъ Лейпцигомъ.

ко людей и лошадей раненыхъ, да и самъ я былъ легко раненъ въ ногу этимъ забавнымъ снарядомъ.

Д. Соколовъ.

КЪ ЛѢТОПИСИ ХОЛЕРНОЙ ЭПИДЕМІИ ВЪ ОРЕНБУРГѢ ВЪ 1848 ГОДУ.

Страшное несчастіе постигло г. Оренбургъ въ 1848 году: въ іюнѣ мѣсяцѣ въ городѣ появилась не бывалая еще по своимъ размѣрамъ холерная эпидемія. Оренбуржцы хорошо помнили эту ужасную гостью по 183| году, но тогда болѣзнь эта далеко не принимала тѣхъ размѣровъ, какихъ она достигла въ *«небла-гополучный»* 1848 годъ.

По словамъ старожиловъ, передававшихъ намъ нѣкоторыя подробности о ходѣ этой болѣзни и бывшихъ очевидцами всего происходившаго въ Оренбургѣ, въ это тяжелое время, эпидемія появилась сначала въ Астрахани и затѣмъ стала распространяться по городамъ и селамъ, расположеннымъ по р. Волгѣ, но тамъ она гостила понемногу. Знали о появленіи холеры и въ Оренбургѣ, но возлагали упованіе на то, что она едвали появится въ городѣ, такъ какъ движеніе ея направлялось по *водѣ*, какъ самой благопріятной дорогѣ для ея распространенія. Но разсчеты оказались тщетны: дойдя до г. Самары, эпидемія повернула на Оренбургъ, гдѣ и нашла для себя самую благопріятную почву.

Въ виду циркулировавшихъ слуховъ о появленіи

холеры въ Поволжьѣ, было рѣшено предпринять нѣкоторыя мѣры на случай занесенія эпидеміи въ Оренбургъ и окрестныя селенія. Одною изъ этихъ мѣръ и было учрежденіе въ Оренбургѣ «*Комитета по принятію мѣръ противъ холеры*».

Въ Комитетъ этотъ вошли слѣдующія лица: генералъ-маіоръ *Лифляндъ* (Михаилъ), бывшій въ то время комендантомъ г. Оренбурга, бригадный командиръ, генералъ маіоръ *Федяевъ*, предсѣдатель Оренбургской пограничной коммиссіи, генералъ-маіоръ Михаилъ Васильевичъ *Ладыженскій*, начальникъ артилеріи генералъ-маіоръ *Фрейманъ* и наказный атаманъ оренбургскаго казачьяго войска генералъ маіоръ Григорій Васильевичъ *Жуковскій*. Означенный Комитетъ напечаталъ воззваніе къ «обывателямъ г. Оренбурга и сельскимъ жителямъ». Какъ интересный документъ того времени, оно заслуживаетъ, чтобы привести его въ подлинникѣ *).

Отъ Комитета о принятіи мѣръ противъ холеры
Богомъ спасаемымъ и Царемъ хранимымъ обывателямъ
города Оренбурга и сельскимъ жителямъ

Добрый и радушный совѣтъ.

«Прежде всего не пугайтесь сами, да и другихъ, малоумныхъ, не стращайте пустою и грѣшною бол-

*) Документъ этотъ переданъ намъ 77 лѣтней старушкой,— вдовой есаула оренбургскаго казачьяго войска Марьей Даниловой Нехорошевой и съ ея согласія, переданъ въ историко-этнографическій музей при оренбургской ученой архивной коммиссіи.

товнею, о томъ, что вотъ, дескать, бѣда не за горами.

Все въ Богѣ, все отъ Бога.

Думай, не думай, а не разобрать человѣку своимъ бѣднымъ, житейскимъ умомъ тайнъ небесныхъ. И разбирать, значитъ, нечего. Отдайся только всею чистою вѣрою Спасителю—на сердцѣ сразу легче станетъ. Въ Немъ прибѣжище, на Него упованіе. Онъ караетъ, Онъ и милуетъ. Оградимъ же себя Крестомъ Господнимъ, помолимся Христу-Спасу и Милосердой Богородицѣ и скажемъ: Господи, да будетъ Святая воля Твоя!

Богъ надъ вами, Царь съ вами.

Подумайте—тутъ великое слово сказано. До насъ еще не дошла и молва о невзгодѣ, а ужъ Онъ, Державный заступникъ нашъ, все придумалъ, все уладилъ, все выгадалъ, чтобы, во всѣхъ углахъ Великаго Русскаго Царства. и послѣднему работнику, и послѣднему нищему была и охрана и всякая помощь. И помощь не какая нибудь, а такъ—что, на всю эту трудную пору, будетъ готовъ бѣдняку и даровой кусока хлѣба, отъ Его Царской милости. будетъ у него и тепло для избы и всякое снадобье для здоровья.

Да, братцы, о чемъ не задумайте, а Православный Царь нашъ все уже обдумалъ, и передумалъ и Своею Государевой волею повершилъ, и намъ, вѣрнымъ присяжникамъ своимъ, для вашего обережья и покоя, завѣтомъ положилъ. И ту Его, Бѣлаго—Царя, добрую волю на ваше и дѣтей вашихъ счастье, вѣрно и благородно будемъ исполнять мы христіанскимъ дѣломъ и въ томъ порукою вамъ наше честное слово.

Такъ ужъ если Онъ думаетъ не надумается объ насъ, какъ же не подумать намъ самимъ о себѣ и о ближнемъ. Помните пословицу: береженаго и Богъ бережетъ. Пословица вѣдь крѣпка толкомъ, даромъ не молвится. Старики были себѣ на умѣ: по пусту рѣчи не тратили. Коли уже бьешся, какъ рыба объ ледъ, изъ за какой-нибудь грошевой прибыли, какъ же не похлопотать о здоровьѣ, не порадѣть о жизни своей. Жизнь, великое дѣло; это—святая казна Божія;—кто потратилъ ее не разумно, тому придется дать трудный отвѣтъ на томъ свѣтѣ. А дѣти-то, дѣти? Страшно и покинуть ихъ, страшно и похоронить. На кого оставить сиротъ; для кого самому въ свѣтѣ маяться?— Такъ послушайте жъ добрыхъ совѣтовъ, что для васъ нарочно и придумали и огласили; тамъ ни о чемъ не забыто. Вѣрьте имъ—мы вамъ не зла желаемъ. Вѣрьте тѣмъ, что поставлены надъ вами: совѣтуйтесь съ ними; совѣтуйтесь съ нами: у насъ нѣтъ для васъ на дверяхъ запора, а добрый совѣтъ и ласковое слово завсегда готовы. Мы вамъ отъ себя только и скажемъ теперь: будьте воздержны, трезвы, соблюдайте чистоту около себя, да и дѣла таки не кидайте. Бездѣлье ведете не къ добру,— вѣдомое дѣло! Ѣсть—не объѣдаться; а про всякую сырую дрянь: рыбу, раки, арбузы, дыни—чтобъ и помину не было. Пить.... да не лучше ли, братцы, ужъ вовсе горѣлки не пить. Чарка не глубока—а утопитъ грѣшную душу. Пьяницѣ, говорятъ умные люди, первому смерть. Ужъ кто развѣ привыкъ къ рюмкѣ настойки передъ обѣдомъ— ну, тому на здоровье.

И еще мы вамъ скажемъ умное слово, и вы накрѣпко запамятуйте его. Будьте такъ, чтобъ каждый за всѣхъ и всѣ для каждаго. Въ полѣ одинъ не воинъ. Съ миру по ниткѣ — голому рубашка. Не глупый самъ смекнетъ. И стадо сбѣгается въ кучу для обороны, какъ зачуетъ звѣря, — а на насъ образъ и подобіе Божіе. Человѣку данъ завѣтъ жить не для себя только, иначе бы онъ и рыскалъ какъ звѣрь по оврагамъ. По Христу мы всѣ братья — будемъ же братьями и на дѣлѣ И Богу то пріятно, и Царю угодно. Молитесь и не отворачивайтесь отъ убогаго. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ. Будьте же покойны и здоровы. Подлинное подписали: за предсѣдателя генералъ-маіоръ *Лифляндъ*, генералъ-маіоръ *Федяевъ*, генералъ-маіоръ *Ладыженскій*, генералъ-маіоръ *Фрейманъ*, генералъ-маіоръ *Жуковскій*.

На документѣ годъ не обозначенъ, но по словамъ старожиловъ, которымъ мы показывали печатный оттискъ постановленія помянутаго Комитета, онъ несомнѣнно относится къ 1848 году, потому, что въ этомъ году, дѣйствительно. былъ организованъ Комитетъ по принятію мѣръ противъ холеры, самое же постановленіе разносили по домамъ и, наконецъ, изъ подписавшихся подъ постановленіемъ Комитета лицъ, генералъ-маіоръ *Лифляндъ*, въ разгаръ самой эпидеміи, скончался отъ холеры и его могила, какъ мы лично удостовѣрились, находится въ оградѣ кладбищенской церви и на памятникѣ есть указаніе, что генералъ-маіоръ Лифляндъ скончался 29 іюня 1848 года.

По словамъ почтенныхъ старожиловъ Н. М. Бекчури-

на, ген.-м. Карманова, А. В. Ганецкаго Н. Н. Сурова и другихъ, эпидемія замѣчательно быстро распространялась въ Оренбургѣ. Признаки ея были обнаружены 17 іюня и въ числѣ первыхъ жертвъ были: Нѣжинской станицы вдова Прасковья Макурина (ск. 17 іюня), хорунжій Василій Бухмастовъ (ск. 20 іюня), окружной начальникъ 1-го военнаго округа оренбургскаго казачьяго войска полковникъ Степанъ Ѳомичъ Борейша и его супруга, два преподавателя нѣмецкаго языка въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ Фенколь и Блюмменбергъ и другіе. Началась эпидемія со Старой Слободки, затѣмъ появилась въ городѣ, а потомъ уже и въ Форштадтѣ. Обыкновенно, эпидемія особенно свирѣпствуетъ среди простаго и бѣднаго люда, какъ мало обезпеченнаго средствами противъ болѣзней и къ тому же поставленнаго въ тяжелыя и неблагопріятныя условія повседневной жизни, но въ холеру 1848 года, жертвами этой ужасной болѣзни были множество лицъ, принадлежавшихъ къ высшему классу общества, равно какъ и служащихъ по духовному, военному и гражданскому вѣдомствамъ.

Врачей далеко не хватало, чтобы оказывать хотя бы первую помощь заболѣвшимъ; ихъ всего то насчитывалось пять—шесть человѣкъ *).

*) Корпусный штабъ - докторъ Антонъ Ивановичъ *Кольшко*; городской врачъ *Молленгауеръ*; старшій врачъ военнаго госпиталя Яковъ Ивановичъ *Громовъ*; войсковой врачъ при врачебномъ отдѣленіи войсковаго правленія оренб казач. войска Матвѣй Ивановичъ *Малѣевъ*; врачъ при пограничной коммиссіи Юлій Карловичъ *Неймаркъ*. Къ числу медицинскаго персонала причислялся и аптекарь военнаго госпиталя *Богаткевичъ*

По словамъ Н. М. Бекчурина, наиболѣе дѣятельнымъ былъ городовой врачъ Молленгауеръ, но и тотъ едва не сошелъ съ ума отъ вѣчнаго безпокойства и безсонныхъ ночей. Потребность во врачахъ была на столько велика, что этого врача даже не спрашивали: желаетъ ли онъ и можетъ ли онъ пріѣхать осмотрѣть больного: его просто брали силой, даже связывали и везли, если уже не для помощи, то чтобы только взглянуть на умирающаго или удостовѣрить смерть.

Военный госпиталь, при которомъ была единственная въ городѣ аптека, былъ переполненъ больными и умершими, и въ виду необходимости, былъ открытъ пріемный баракъ въ Караванъ-Сараѣ, но и баракъ вскорѣ совершенно былъ переполненъ заболѣвшими. Зданія въ Караванъ-Сараѣ, принадлежащія къ управленію Башкиро-Мещерякскаго войска и гдѣ жилъ командующій войскомъ и нѣкоторые изъ служащихъ, были также заняты больными.

Въ госпиталѣ и баракѣ дѣятельное участіе въ оказаніи помощи заболѣвшимъ принималъ старшій врачъ *Громовъ*, типичный представитель медицины добраго стараго времени, большой крикунъ и ворчунъ, но предобрѣйшій человѣкъ и какъ начальникъ, и какъ врачъ. При немъ находился фельдшеръ *Сарапинъ*, также самоотверженно раздѣлявшій труды своего начальника.

Эпидемія, между тѣмъ, разгаралась все болѣе и болѣе. По случаю большой смертности среди служащихъ и ихъ семействъ, занятія въ присутственныхъ мѣстахъ почти прекратились, въ Корпусномъ же

штабѣ хотя и шли занятія, но всѣ служащіе были переведены за городъ, въ зданія училища земледѣлія и лѣсоводства *). Здѣсь несравненно было лучше, такъ какъ на мѣстности, занимаемой училищемъ, былъ разведенъ садъ, было образцовое поле, цѣлая роща деревьевъ и бассейны съ водой. Служащимъ былъ отданъ строгій приказъ не ходить въ городъ, почему и пища отпускалась казенная, равно какъ и винная порція.

Войска также были выведены изъ города на Маякъ, и, надо отдать справедливость, благодаря этимъ заботамъ, среди солдатъ смертныхъ случаевъ отъ холеры были гораздо меньше. Кадеты Неплюевскаго корпуса были также на Маякѣ. Въ числѣ жертвъ эпидеміи на Маякѣ былъ директоръ Неплюевскаго корпуса полковникъ Иларіонъ Михайловичъ *Марковъ*, который како говорятъ, заразился отъ солдата, котораго посылалъ въ городъ.

Въ городѣ, между тѣмъ, эпидемія свирѣпствовала съ ужасающей силой: умершихъ ежедневно насчитывали цѣлыми сотнями. Наибольшее число жертвъ, какъ указываютъ метрическія книги Петропавловской и Георгіевской церквей, приходилось на 5, 6 и 12 іюля. Болѣзнь, казалось, постигала совершенно внезапно: идетъ цо улицѣ человѣкъ, вдругъ начинается припадокъ и онъ умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Особыхъ средствъ для борьбы съ холерой не существовало, если не упоминать о *перцовкѣ*, т. е. на-

---

*) Гдѣ нынѣ войсковой арсеналъ оренб. казач. войска.

стойкѣ спирта или вина на стручковомъ перцѣ. Перцовку эту пили, а также растирали ей и больныхъ при помощи жесткихъ щетокъ: это имѣло говорятъ полезные результаты; пили и деготь, даже порохъ, однимъ словомъ, бросались на всякое средство, придуманное какимъ либо досужимъ знахаремъ.

Съ развитіемъ эпидеміи, усиливалась и паника: торговля прекратилась, и кто могъ, спѣшилъ убраться по добру — по здорову изъ Оренбурга.

О дѣйствіяхъ Комитета по принятію мѣръ противъ холеры, также не было слышно, да и самъ предсѣдатель Комитета генералъ-маіоръ Лифляндъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ Оренбургѣ начальствующихъ лицъ, скончался 29 іюня, въ день пожара въ Форштадтѣ, въ тушеніи котораго онъ принималъ дѣятельное участіе. По разсказамъ старожиловъ, это былъ энергичный и заботливый комендантъ, человѣкъ лѣтъ за 50, высокій, худощавый нѣмецъ. Оба его сына воспитывались въ Неплюевскомъ корпусѣ.

Пожаръ въ Форштадтѣ начался около 3 часовъ пополудни, съ верхней улицы. На пожарѣ этомъ генералъ-маіоръ Лифляндъ пробылъ нѣсколько часовъ, а передъ этимъ, въ тотъ же день, распоряжался уборкой труповъ изъ Караванъ-Сарая, сложенныхъ цѣлыми ярусами. Здѣсь, вѣроятно, онъ и заразился, по чему съ пожара его увезли уже еле живого. Въ тотъ же день онъ и скончался отъ холеры.

Транспорты съ мертвыми, сложенными въ наскоро сколоченныхъ ящикахъ, направлялись къ городскому кладбищу, гдѣ рылись арестантами и вольнонаемными

чернорабочими общія могилы, куда и сваливались трупы, заливаемые известью. Магометанъ хоронили отдѣльно на магометанскомъ кладбищѣ.

На прекращеніе болѣзни оставалась единственная надежда на Бога, вотъ почему по ночамъ нерѣдко устраивались шествія съ св. иконами, что, какъ извѣстно, повторилось и въ 1892 году.

Вотъ что передаетъ объ этомъ тяжеломъ времени бывшій предсѣдатель Оренбургской Пограничной Коммиссіи Василій Васильевичъ Григорьевъ *), въ своемъ письмѣ къ редактору газеты «Сѣверная Пчела» (1861 г. № 64), по поводу кончины извѣстнаго благотворителя въ Оренбургѣ ксендза М. Ѳ. *Зеленка*: «Наконецъ—пишетъ Григорьевъ—столь памятный Оренбургу 1848 годъ, когда холера свирѣпствовала здѣсь съ ужасающею яростью, когда некому было не только лечить заболѣвающихъ, но и хоронить умершихъ, показалъ, что *Зеленка* былъ не только добрый въ высшей степени человѣкъ, но и герой самоотверженія. Въ этотъ періодъ всеобщаго отчаянія, когда каждый, кто могъ думать, думалъ о себѣ, только два человѣка не потеряли духа, не измѣнили до конца святымъ обязанностямъ своимъ и, не щадя себя, являлись всюду ангелами утѣшенія: *Зеленка*, да православный священникъ *Содальскій*».

---

*) В. Григорьевъ (оріенталистъ) прибылъ въ Оренбургъ 10 янв. 1852 г. и 12 янв. 1854 г. назначенъ предсѣдателемъ погран. коммиссіи, вмѣсто Ладыженскаго. 11 декабря 1862 г. Григорьевъ навсегда оставилъ Оренбургъ. (См. адресъ-календарь Оренб. губ. за 1895 г. стр. 51—55 справочн. отдѣла).

Упоминаемый Григорьевымъ священникъ Стефанъ Михайловичъ *Содальскій* былъ въ то время уже почтенный старецъ 65 лѣтъ и служилъ протоіереемъ въ военной церкви Петра и Павла и дѣйствительно, безбоязненно отправлялъ свой долгъ: причащалъ умирающихъ и, въ виду массы приходящихъ, прямо на улицѣ, передъ церковью, и тутъ же отпѣвалъ умершихъ, подвозимыхъ къ церкви. Хоронить же, т. е. шествовать за гробомъ до могилы, конечно не было никакой возможности

Священниковъ, какъ и врачей было также недостаточно*) да и нѣкоторые изъ нихъ сами болѣли, какъ напримѣръ, о. Василій Ольшанскій — священникъ Троицкой церкви, а иные умирали, какъ напримѣръ: священникъ Иванъ Григорьевичъ *Соколовъ*[1]) и священникъ Троицкой церкви *Смирновъ*. Что касается ксендза Михаила Ѳаддеевича Зеленка, то всѣ знавшіе его и доселѣ здравствующіе старожилы, единогласно свидѣтельствуютъ о безпримѣрной христіанской добро-

---

*) Церкви въ 1848 г. существовали слѣдующія: лѣтній и зимній соборы, Вознесенская, Троицкая, Петропавловская и Георгіевская. Кладбищенская церковь была только что отстроена. Въ Георгіевской церкви служилъ о. Матвѣй *Малѣевъ* и служба во все время эпидеміи не прекращалась, какъ о томъ свидѣтельствуютъ метрическія книги этой церкви. О. Стефанъ *Содальскій* скончался въ г. Оренбургѣ 22 августа 1863 г. Похороны совершалъ преосвященный Варлаамъ, епископъ Оренбургскій и Уральскій.

[1]) О. Соколовъ былъ законоучителемъ въ Оренб. Неплюев. кадетск. корпусѣ послѣ о. Содальскаго, который занималъ ту же должность въ корпусѣ съ 12 янв. 1825 по 6 авг. 1846 г.

тѣ этого почтеннаго настоятеля костела [2]), равномѣрно подававшаго свою руку помощи католикамъ, православнымъ, лютеранамъ и магометанамъ и не только въ эту годину бѣдствія, но и во все время пребыванія своего въ Оренбургѣ, т. е. съ 1833 по 1860 годъ. Переходя къ климатическимъ условіямъ, при которыхъ дѣйствовала эпидемія, можно указать, что весна въ этотъ годъ была маловодная, ледъ на р. Уралѣ даже не поднялся, а сѣлъ на дно. Урожая травъ и хлѣбовъ не было, а лѣтомъ. въ разгаръ эпидеміи, была нестерпимая жара и дулъ горячій знойный вѣтеръ. Выдавались дни, когда сряду дня два—три термометръ показывалъ 44^0—45^0 по R.

Къ этой тропической жарѣ присоединялась еще духота, царившая въ Оренбургѣ, благодаря отсутствію растительности [*]) и окружающему высокому крѣпостному валу.

Къ счастію, въ началѣ августа стали перепадать дожди; эпидемія мало по малу затихала и къ 15 августа почти что прекратилась. На улицахъ и площадяхъ, доселѣ совершенно пустынныхъ и безлюдныхъ, стала замѣтна жизнь, и только заколоченные дома,

---

[2]) М. Ѳ. Зеленка прибылъ въ Оренбургъ въ 1833 году; благодаря его стараніямъ, при воен. губер. Обручевѣ, въ 1844 году былъ заложенъ католическій костелъ, который и освященъ въ 1847 году. *М. Ѳ. Зеленка* скончался 31 октяб. 1860 года и погребенъ въ оградѣ костела.

[*]) Единственый въ Оренбургѣ караванъ-сарайскій садъ былъ разведенъ при Перовскомъ, по приказанію Перовскаго, отданному въ 1853 году.

гдѣ вымирали цѣлыя семейства, еще угрюмо выглядывали, свидѣтельствуя объ ужасной стихіи.

Въ началѣ сентября все уже приняло свой обычный видъ.

Сколько жизней унесла эта страшная эпидемія, намъ неизвѣстно, но что она была гораздо обильнѣе жертвами чѣмъ предъидущія и послѣдующія холерныя эпидемія, время отъ времени посѣщавшія Оренбургъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ же старожилы. Намъ извѣстно только, что по метрическимъ книгамъ Петропавловской церкви значится умершихъ отъ холеры 785 человѣкъ, муж. и женск. пола, по метрикамъ Георгіевской церкви 242 чел. муж. и женск. пола, по метрикамъ Вознесенской церкви 328 чел. обоего пола и по метрикамъ мѣстнаго костела 20 челов. обоего пола.

Несомнѣнно, въ дѣлахъ архива бывшаго генералъ-губернаторскаго управленія имѣются объ этомъ точныя данныя; равно какъ и въ статьяхъ, помѣщавшихся на страницахъ Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостей *), мы же съ своей стороны, передали только то,

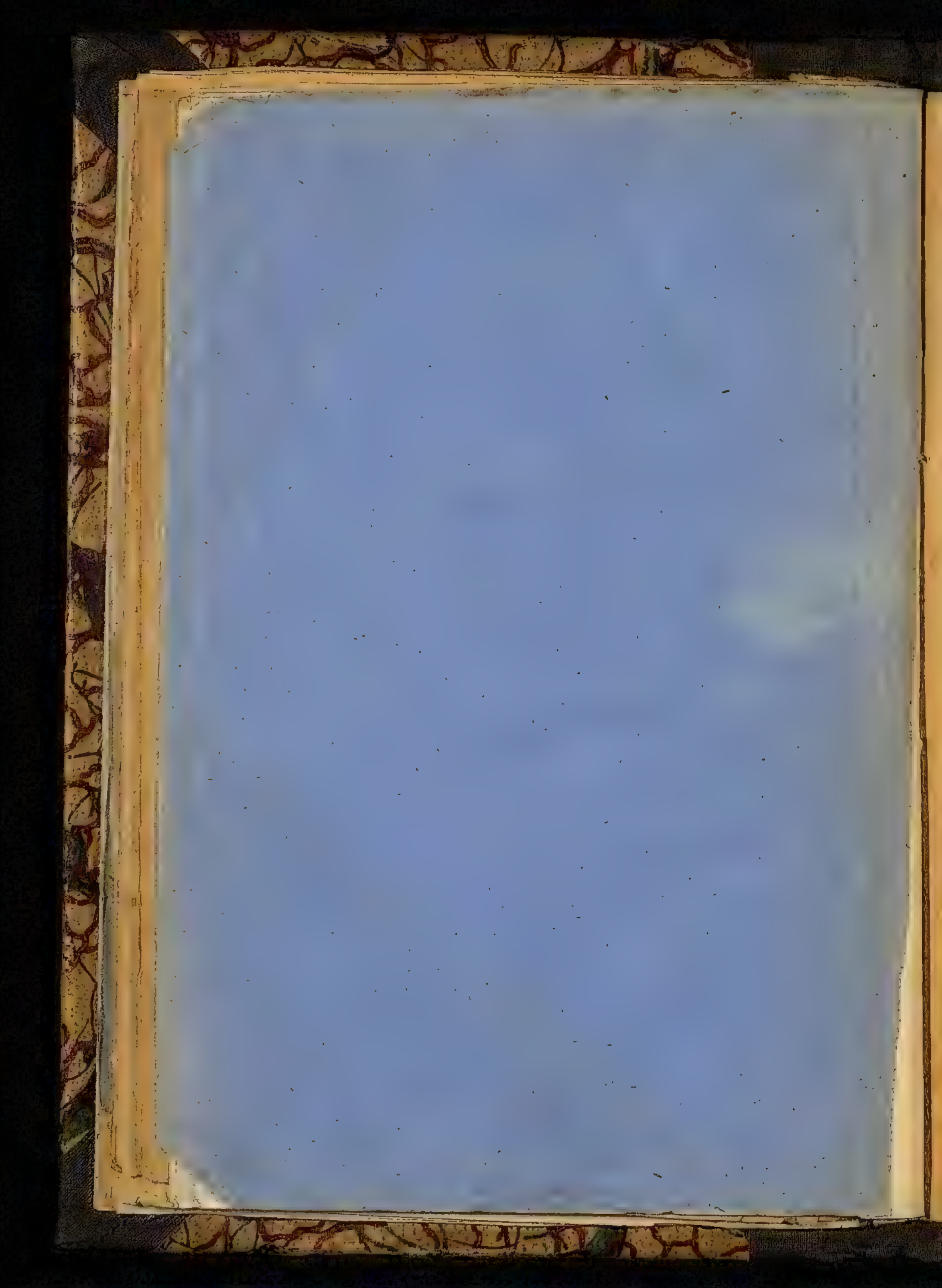
*) Въ Оренбургской городской библіотекѣ «Оренб. Губ. Вѣд.» за 1848 годъ не существуетъ, а есть только брошюра Г. Шевичъ: «Историческая замѣтка объ изданіи неоффиціальн. части «Оренб. Губ. Вѣдомостей» съ указателемъ статей за 1843—1864 г. (№ 185/16 отд.) Изъ очерка этого видно, что изданіе неоффиціальной части началось съ 1843 года и, судя по указателю, въ неоффиціальной части печаталась масса цѣнныхъ историческихъ указаній о прошломъ Оренбургскаго края; что же касается эпидеміи, то о холерѣ 1848 г. помѣщались свѣдѣнія съ № 14 по 52 за 1848 г., а также въ № 1, 3, 4 и 5 за 1849 годъ.

что удалось намъ собрать путемъ личнаго расироса тѣхъ, кто находился во время этой эпидеміи въ Оренбургѣ и видѣлъ всѣ ея ужасныя послѣдствія.

Указанія эти, быть можетъ, облегчатъ будущему изслѣдователю подробное описаніе эпидеміи 1848 г., а оно необходимо, такъ какъ выяснить причины и развитіе эпидемій въ Оренбургскомъ краѣ, освѣтитъ тѣ или другія мѣры, принимавшіяся для борьбы съ эпидеміей, укажетъ ихъ пользу или непрактичность, покажетъ примѣры самоотверженной дѣятельности лицъ въ годины бѣдствій и наконецъ,—научитъ, что нужно было дѣлать и что ненужно было допускать въ борьбѣ съ безпощаднымъ врагомъ.

С. Н. Севастьяновъ.

Было бы весьма желательно, если бы гг. старожилы, имѣющіе №№ неоффиціальной части губ. вѣд. пожертвовали ихъ ради историческихъ справокъ, въ музей при оренб. ученой архивной коммиссіи.

Авторъ.

193